

Волгоградский
государственный
университет

Woodrow Wilson
International
Center
for Scholars
Kennan Institute

ВОЛГОГРАДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
ВЫПУСК 1

**ИСТОРИЯ КРАЯ
КАК ПОЛЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Материалы семинара,
проведенного Волгоградским государственным университетом
и Институтом Кеннана Международного научного центра
им. Вудро Вильсона
11 апреля 2008 года

Под редакцией И. И. Куриллы

Волгоград 2008

ББК 63.3(2Рос-4Вос)я431
И90

Рекомендовано к опубликованию Ученым советом
факультета истории и международных отношений
Волгоградского государственного университета
(протокол № 2 от 20.10 2008 г.)

История края как поле конструирования региональной идентичности [Текст] : материалы семинара, проведенного ВолГУ и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апр. 2008 г. / ВолГУ, Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона ; под ред. И. И. Куриллы. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 120 с. – (Волгогр. истор. семинар ; вып. 1).

ISBN 978-5-9669-0518-7

Материалы семинара, открывающего серию «Волгоградский исторический семинар», включают статьи ученых из Волгограда, Москвы, Астрахани, Ростова-на-Дону, Краснодара, Элисты.

ББК 63.3(2Рос-4Вос)я431

ISBN 978-5-9669-0518-7

© Авторы статей, 2008
© Оформление. Издательство
Волгоградского государственного
университета, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

По мере все большего забвения единого для всех «Краткого курса истории ВКП(б)» историки, работающие на постсоветском пространстве, отваживаются на различные интерпретации прошлого своего народа. Новые истории уже вышли на первый план межгосударственных отношений, например России и Украины. Государство постепенно возвращает себе контроль над содержанием школьных учебников в России. Однако есть область, в которой продолжается «живое творчество». Это историография российских регионов. Каждая республика, край или область Российской Федерации на протяжении вот уже двух десятилетий пытается построить собственную идентичность. Это связано как с политической повесткой дня местных элит, так и с задачами патриотического воспитания, школьного преподавания и, наконец, развития туризма.

Наиболее четко это «строительство» можно проследить на примере историй родного края. Эта бурно развивающаяся отрасль исторической науки часто пользуется поддержкой местных властей (вспомним недавний случай с «обоснованным новыми открытиями» изменением даты основания Казани и празднованием ее 1000-летнего юбилея).

Содержанием семинара «История края как поле конструирования региональной идентичности», проведенного в Волгоградском государственном университете 11 апреля 2008 года при поддержке Института Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона, стало обсуждение того, каким образом пишутся учебники истории края, как эта местная история изучается и преподается в разных регионах России.

В семинаре приняли участие ученые из Волгограда, Москвы, Астрахани, Ростова-на-Дону, Краснодара, Элисты.

Предлагаем на суд читателя материалы этого семинара, открывающего серию «Волгоградский исторический семинар».

И.И. Курилла

ИДЕНТИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РАКУРС

Сегодня стало очевидно, что следует четко осознавать различия между реальностью и образом реальности и понимать при этом, что иной раз образ реальности способен формировать саму реальность. То, во что верят люди, становится реальностью по своим последствиям, – такого постулата социологи придерживаются уже давно. Иными словами, поведение людей во многом определяется тем, как они представляют себе реальность и, в частности, с какой именно группой себя ассоциируют. Этим и определяется важность идентичности.

Поэтому, как бы ни относились ученые к нации, этничности и расе (а ученые все больше понимают их как конструкции, облик и роль которых определяются самими людьми), общественности эти категории представляются во многих контекстах важными, и к ним по мере надобности апеллируют политики, культурные деятели, а иной раз и религиозные лидеры. Ведь, как показывает опыт, все эти категории легко политизируются и служат действенными рычагами политической мобилизации. Однако это происходит только в том случае, если члены таких групп ощущают свое единство и готовы на деле проявить солидарность. А это, в свою очередь, требует от них выраженного самосознания, то есть четкого осознания своей принадлежности к одной из названных выше групп. Иными словами, такое самосознание должно опираться на миф о единстве – соответственно, национальном, классовом, этническом, региональном или расовом. Такой миф был типичен для эпохи модерна, когда для его конструирования использовались самые разнообразные научные технологии. И сегодня он продолжает соблазнять некоторых политтехнологов, стремящихся манипулировать массовым сознанием. Вместе с тем у такого мифа имеются ограничения, и он срабатывает отнюдь не автоматичес-

ки. В свое время Эрнест Геллнер хорошо показал как слабую обоснованность такого мифа, так и одновременно его социально-психологическую силу ¹.

Похоже, что наиболее благодатная среда для такого мифа складывается в таком обществе, где велика пропасть между элитой и остальной массой населения, где у элиты имеется монополия на информацию, где действия власти не являются прозрачными, а массы лишены доступа к реальным рычагам влияния на политическую жизнь. Именно в таком обществе созданный элитой миф способен через находящиеся в ее руках институты (СМИ, школа, церковь, культурно-просветительские учреждения и пр.) оказывать существенное воздействие на массы населения. Следовательно, наиболее подвержены мифу общества авторитарного типа. Это вовсе не означает, что демократические общества обладают иммунитетом в отношении мифотворчества. Однако при наличии сложной социальной структуры, плюрализма и социальной мобильности таким обществам удается избежать влияния тотального мифа. В них, во-первых, наблюдается конкуренция самых разных мифов, а во-вторых, плюрализм развивает способность к критическому мышлению, способствующую преодолению зависимости от «жизни в мифе». Поэтому сегодня нам недостаточно изучать особенности политического мифа. Необходимо знать также, как он усваивается обществом и отдельными его группами, как они воспринимают миф, что их привлекает, а что отталкивает или оставляет равнодушными, и, наконец, если они его отвергают, то какой контрмиф кажется им более убедительным.

Одной из важнейших опор мифа о социальном единстве является образ прошлого, сплачивающий людей общими эмоциональными воспоминаниями. Важно, что такой образ создается не только профессионалами. Огромную роль в его формировании играет социальная память, в рамках которой в первую очередь и выстраивается иерархия исторических ценностей и происходит отбор исторических фактов и событий по их общественной зна-

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

чимости. Важная особенность социальной памяти состоит в том, что она не является гомогенной и у разных социальных групп имеет свои отличия. Это выражается и в том, какие именно факты прошлого кажутся им наиболее значимыми, и в том, как по-разному они могут интерпретировать одни и те же факты, соответственно придавая им разное значение.

К сфере социальной памяти, помимо устной истории, относятся памятные даты и праздники, памятники и мемориалы, ритуалы, топонимика, музеи, народная культура и историческая символика. Кроме того, память о прошлом поддерживается журналистами, а также находит место в художественных произведениях, живописных полотнах, театре и кино. В сфере искусства также производится как отбор исторических фактов и событий, так и их переосмысление. И именно в контексте социальной памяти отдельные исторические факты или события становятся знаковыми и обретают статус ключевых, имеющих основополагающее значение для данного социума.

Разумеется, и здесь дело не обходится без политических акторов. Ведь учреждение общенациональных праздников, отбор национальных героев и великих людей и чествование их юбилеев, установление одних памятников и разрушение других, изменение топонимики, введение в государственную символику исторических сюжетов и реликвий – все это происходит при активном участии властей. Мало того, нередко именно власти выделяют из государственного бюджета деньги на проведение тех или иных мероприятий, связанных с исторической памятью. Иной раз именно они поддерживают одни направления исследований и игнорируют или даже тормозят развитие других. И это, разумеется, оказывает влияние на профессиональных историков. Поэтому историческое знание вовсе не отделено непроходимой стеной от политического процесса, тем более что, как писал Мишель Фуко, нередко именно власть определяет, что является «знанием» и что им не является².

² Foucault M. Discipline and punish. The birth of the prison. N. Y.: Vintage books, 1979. P. 27–28.

В советском случае именно власть при опоре на научных экспертов определяла, какие группы достойны считаться «этническими», а какие нет, какие из них могут получить тот или иной политический статус (автономии), а какие этого не заслуживают. В итоге произошла политизация этничности, и после ее закрепления паспортной системой она потеряла свою подвижность, получила не свойственную ей жесткость и оказалась законсервированной. Мало того, строгий порядок приписывания этнической принадлежности по родителям, независимо от языковых и культурных параметров, десятилетиями навязывал людям представление, во-первых, об этническом родстве как «родстве по крови», а во-вторых, о некоем устойчивом «народном духе», который якобы сохранялся у людей независимо от языковых и культурных изменений и проявлялся в «поведенческих стереотипах». И это подготовило почву для распространения мифа об этносе как «биологической общности», который в постсоветское время получил неожиданную популярность и открыл дорогу расизму.

Следует учитывать и тот факт, что во второй половине 1930-х – 1940-х гг. произошли важные изменения в социальной структуре советского общества, потребовавшие нового взгляда на социальную реальность. Теперь с антагонистическими классами было покончено и классовое мировоззрение в значительной мере потеряло свою актуальность. Оно сохранило свою роль во внешней политике, тогда как внутривнутриполитическая ситуация стала все больше определяться национальным фактором. Но в советские годы он понимался двояко: с одной стороны, как единство всего советского народа, для которого со временем все чаще стал использоваться термин «советская нация», но с другой стороны, как сложное созвездие советских этнонаций, развитие которых определялось «советской национальной политикой». В любом случае произошла смена парадигм, и классовое видение реальности сменилось этнонациональным. Иными словами, там, где раньше речь шла о классовых антагонизмах, теперь появилась тенденция подчеркивать культурную специфику и говорить об «особом историческом пути». Правда, коммунистическая идеология пыталась удерживать эту тенденцию в определенных рамках, но

с каждым годом это становилось все сложнее и сложнее. Ведь новые поколения уже не имели опыта классовой борьбы, и «класс» звучал для них пустой абстракцией. Зато вокруг себя они видели отдельные «этнотсы», различающиеся по своему социально-политическому положению, что и составляло для них социальную реальность.

В этом созвездии этносов русские занимали особое место. Именно они были носителями общесоветской культуры, формировавшейся на русской основе, но, во-первых, быстро модернизированной и терявшей свои традиционные атрибуты, а во-вторых, свободно впитывавшей приходящие извне импульсы. Русские не ощущали себя «особым этносом», и их «этническая солидарность» была ослаблена. Все это вызывало тревогу и горькие чувства у русских националистов, рассматривавших это как якобы специфически русское качество и сурово его критиковавших. Однако ничего специфического в этом не было, ибо все это свойственно любому доминирующему большинству, которое, во-первых, обладает инклюзивной идентичностью, что и позволяет без большого труда включать в свой состав «чужаков» и «иноплеменников», а во-вторых, чувствует себя в безопасности, видя ее гарантом государство, которое оно не без основания считает своим. В такой ситуации находятся белые американцы в США, англичане в Великобритании, французы во Франции, ханьцы в Китае, поляки в Польше и т. д. Это порождает особое отношение к «этническому». Доминирующее большинство связывает его обычно с чужими экзотическими культурами и несклонно применять к себе. Ведь свое считается «нормальным» и универсализируется. Зато понятие «культура» увязывается с «этническими культурами». В результате в контекстах оживленных культурных контактов доминирующее большинство порой оказывается в неуютном положении, чувствуя себя людьми «без культуры». В то же время представители меньшинств иной раз с готовностью демонстрируют свой «культурный капитал» как некое качество, выгодно отличающее их от доминирующего большинства.

Разумеется, все это не оставляет равнодушными русских националистов, и они по-своему пытаются осмыслить русскую иден-

тичность. Вот лишь некоторые из тех параметров, в которых они усматривают суть «русскости» (примеры взяты из национал-патриотической прессы 1990-х гг.). Русскость может, по их мнению, связываться, во-первых, с «кровью» и даже с «расой» (то есть с биологией и «русским генотипом»), во-вторых, с культурой и самосознанием, в-третьих, с хорошим владением русским языком, в-четвертых, с религией (православием, старообрядчеством или даже язычеством), в-пятых, с особым образом жизни, в-шестых, с психологией (стремление к «правде и воле»), в-седьмых, с политическими установками (державность и соборность, а также тяготение к имперскому устройству), в-восьмых, с особым историческим путем, в-девятых, с особой «русской цивилизацией», вбирающей в себя все или многие из названных компонентов. Некоторые русские националисты противопоставляют эти атрибуты друг другу; другие ценят некоторые из них, но отвергают другие. Кроме того, одни отождествляют русских с отдельным этносом или даже «расой», другие видят в них религиозную общность, третьи связывают их, прежде всего, с политическим единством, четвертые понимают их не иначе как особую цивилизацию.

Между тем у всего этого имеется и региональный ракурс, дополняющий эту палитру новыми красками. Речь идет о том, как видится «русскость» или отдельные ее компоненты региональными интеллектуалами, включая политиков и носителей местной власти. В 1990-х гг. приход демократии в Россию и децентрализация власти и капитала породили достаточно неожиданное явление, показавшее, что русским оказывается недостаточным иметь общерусскую идентичность, а в ряде случаев они вообще готовы от нее отказаться. В разных регионах и областях они ведут поиск своих особых местных идентичностей, и это выражается в своеобразных версиях древней или средневековой истории, которые там вырабатываются. Как и следовало ожидать, многие из этих конструкций пропитаны этницизмом, заставляющим видеть историю в этнических тонах. Но в разных регионах это проявляется по-разному, и акцент делается то на этничности, то на языке, то на метафорах «родины» или «прародины», то на культуре, то на территориальном единстве,

то на некоей глобальной миссии. В этом плане можно говорить о следующих моделях:

1. *Этнизация известных локальных культурных вариантов или изобретение новых.* Речь идет о попытках ряда групп объявить себя особыми этносами. Например, казаки Юга России, имевшие когда-то особый сословный статус, в течение последних 15–20 лет неоднократно заявляли о себе как об отдельном этносе. Корни этого подхода можно обнаружить у некоторых дореволюционных казачьих историков и в эмигрантской казачьей историографии, где делались попытки оторвать историю формирования казачества от русской истории, что давало, как казалось таким авторам, право на учреждение суверенной казачьей республики. Другим примером служат поморы, отличавшиеся от остальной массы русского населения своим особым хозяйственным укладом (морское рыболовство) и образом жизни, а также приверженностью к старообрядчеству. Наконец, уже совсем недавно о себе как особой этнической группе возвестили «кацкари», живущие в долине р. Кадка на западе Ярославской области. Там в конце 1990-х гг. в селе Мартыново создали Музей кацкарей и с 1992 г. издают газету «Кацкая летопись», где история «кацкого народа» начинается с эпохи монгольского нашествия. В школах Ярославского края был даже введен предмет «Кацковедение».

При этом, стремясь дистанцироваться от русских, казаки иной раз говорят о своих тюркских корнях, поморы указывают на финно-угорский субстрат, а кацкари ведут себя от смешения летописной меры со славянами.

2. *Имперские мифы: русификация древних иноязычных и инкультурных общностей и «обрусение» культурного ландшафта окраин.* Такие мифы выступают в различных вариантах.

А) *Миф о «примордиальных предках», то есть отождествление предков с носителями материнского праязыка.* В наиболее радикальной форме такое видение истории ведет к изобретению длительной докиевской истории «славян-русичей», которые якобы еще в первобытности широко расселялись от Западной Европы до Китая. Такая версия древнего прошлого вот уже 15–20 лет

активно пропагандируется радикальными русскими националистами. Под «отдаленной историей» здесь понимается все древнейшее индоевропейское прошлое, которое объявляется «арийским» и приписывается «славяно-русам». С этой точки зрения, Евразия едва ли не изначально принадлежала «русам-ариям», и, тем самым, завоевание Сибири, Кавказа и Средней Азии рассматривается как их возвращение на свои древние земли. Мало того, фантазия таких патриотически настроенных авторов заставляет их изобретать никогда не существовавшие государства типа Рассении и Русколани. Эти авторы прекрасно понимают, что современному образованному читателю требуются фактические подтверждения. Тогда на помощь приходит «народная археология». И философ В.Н. Демин с легкостью «открывает» на Кольском полуострове «Гиперборейскую цивилизацию», а журналист А. Асов «обнаруживает» в предгорьях Эльбруса «древнюю столицу славян», «город Кияра». Свои «находки» они активно популяризировали в книгах и охотно делились ими с журналистами ³.

В этой деятельности участвуют не только дилетанты. Фактически начало поискам так называемой «славяно-арийской цивилизации» положили исследования профессиональных археологов из Челябинска, обнаруживших новую категорию памятников среднего бронзового века в лесостепной зоне Южного Урала. Не ограничив-

³ См.: Демин В.Н. Тайны русского народа. М.: Вече, 1997; Он же. Загадки Урала и Сибири: От библейских времен до Екатерины Великой. М.: Вече, 2000; Он же. Гиперборея: Исторические корни русского народа. М.: Гранд, 2001; Асов А.И. Мифы и легенды древних славян. М.: Наука и религия, 1998; Он же. Атланты, арии, славяне: История и вера. М.: Алетейа, 1999; Он же. Славянские руны и «Боянов гимн». М.: Вече, 2000; Он же. Священные прародины славян. М.: Вече, 2002; Он же. Русколаны: Древняя Русь. М.: Вече, 2004; Писаренко Д. Загадки древних цивилизаций. Полярная Атлантида // Аргументы и факты. 2006. № 46–49, 51–52; 2007. № 5. 7–8, 10, 12. Об этом см. также: Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. С. 207–214; Shnirelman V.A. Russian response: archaeology, Russian nationalism and Arctic homeland // Kohl Ph.L., Kozelsky M., and Ben-Yehuda N. (eds.). Selective remembrance: archaeology in the construction, commemoration, and consecration of national pasts. Chicago: Chicago University Press, 2007. P. 52–56.

шись открытием городища Аркаим, они разрекламировали его как едва ли не древнейший город на Земле, центр «арийской цивилизации», якобы одарившей Евразию «высокой культурой»⁴.

Как признавала местная журналистка, на Урале вокруг Аркаима не смолкает «мифологический бум», «Страна Городов ушла в молву», и, вопреки всем стараниям ученых, порожденный Аркаимом интерес к древностям устремлен вовсе не к работе археологов, а «к духовной насыщенности, к месту Урала на Земле»⁵.

На этот миф работает целая серия статей председателя Челябинского областного общества уральского краеведения А.П. Моисеева, еженедельно в течение нескольких месяцев публиковавшихся в газете «Челябинский рабочий» летом и осенью 1994 года. Их автор называл индоевропейцев и ариев «нашими далекими предками» и противопоставлял их древним тюркам и финно-уграм, которые к категории «наших предков» не относились⁶. В 1990-х гг. такой «арийский миф» использовался, в частности, для отстаивания гражданских прав русского населения в Крыму, в Донбассе и в Северном Казахстане. Обнаруживая у местных русских «древние корни» на этих землях, он делал их «коренным населением»⁷.

Для большинства такого рода популярных построений характерна манипуляция с известными археологическими и линг-

⁴ См.: Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Олкотт М.Б., Семенов И. (ред.). Язык и этнический конфликт. М., 2001. С. 58–85.

⁵ Никулина М. «Про старинное жите и про тайную силу» // Урал. 2000. № 6. С. 178–179.

⁶ См., например: Моисеев А.П. Древности // Челябинский рабочий. 1994. 17 июня; 24 июня; 5 авг.; и др.

⁷ См., например: Карпов А. Иудины поцелуи сепаратистов // Русский вестник. 1996. № 6–8; Абакумов А.В. Евразийские арии и Русь // Русская мысль. 1995. № 1–6; Он же. Славяне в Казахстане: возвращение на Родину? // Экономическая газета. 1997. № 16; Он же. Русские и татары в Крыму // Наследие предков. 2000. № 2. В Донбассе с той же целью в 1993 г. публиковались материалы об индоевропейских древностях в степях Северного Причерноморья. (См.: Посредников В., Кравец Д., Косиков В. Древность Донбасса // Донецкий кряж. 1993. № 13; 18; 22; 27; 34.) О других аргументах см.: Wilson A. The Donbas between Ukraine and Russia: the use of history in political disputes // Journal of contemporary history. 1995. Vol. 30. No. 2. P. 276–283.

вистическими фактами и гипотезами, в результате чего «славяне-русичи» полностью отождествляются с ранними индоевропейцами или достаточно рано обособившейся их частью. На этой основе оживляется идея о великих арийцах-завоевателях, к которой прибегали в свое время нацисты для оправдания своего нападения на СССР. Но в устах современных русских радикалов арийцы связываются уже не с германцами, а со славянами. В то же время завоевание относится к столь отдаленным временам, что оно представляется «расселением» и не мешает «славянам-русичам» выглядеть автохтонами едва ли не на всей территории России и даже отчасти за ее пределами ⁸.

Такая версия далекого прошлого активно популяризируется массовой литературой и в последние 10–15 лет начинает проникать в региональные очерки по истории края. Сегодня ни один местный учебник по истории Урала не обходится без обращения к Аркаиму, который связывается и с «древнейшей протоцивилизацией», и с «древними ариями», и даже называется «Уральской Троей»⁹. А в местной

⁸ Это, разумеется, приводит рассматриваемую версию к столкновению с пантюркистским взглядом на древнюю историю, где те же самые культуртрегеры и цивилизаторы оказываются древними тюрками. Мне уже приходилось писать о том, как Аркаим «присваивается» тюркскими авторами (см.: Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму...). Недавно книга такого рода вышла в Казахстане. Любопытно, что она была представлена «научным изданием», хотя ни одно научное учреждение Казахстана не осмелилось дать ей свой гриф. Не было у нее и научных рецензентов, но зато издание было профинансировано некоторыми казахскими бизнесменами. Кроме того, книгу сопровождали рекомендации ряда сотрудников Евразийского национального университета, свидетельствующие о том, что изложенные в ней взгляды пользуются популярностью у части казахской научной элиты. Правда, археологов среди таких энтузиастов, похоже, нет. (См.: Нарымбаева А.К. Аркаим – очаг мировой цивилизации, созданный прототюрками. Алматы: Б. и., 2007.)

⁹ См.: Личман Б.В. (ред.). История Урала с древнейших времен до конца XIX в. Екатеринбург: СВ-96, 1998. Кн. 1. С. 45–48, 52–54; Миненко Н.А. и др. (ред.). Очерки истории Урала. Екатеринбург: Б. и., 1996. Вып. 2. С. 34–52. Лишь в одном учебном пособии, написанном профессиональным археологом и построенном на археологических материалах, данные о древней истории изложены предельно корректно без обращений к ариям и Зороастру. (См.: Виноградов Н.Б. Страницы древней истории Южного Урала. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1997. С. 60–72.)

популярной книге для юношества Урал, кроме того, изображается и родиной зороастризма, где якобы складывались тексты «Авесты» и «Ригведы»¹⁰. В таких книгах арии иной раз выглядят победоносными завоевателями и культуртрегерами, совершавшими далекие миграции, громившими великие цивилизации и разносившими свои культурные достижения по всей Евразии – «от Ближнего Востока до Сибири и Индии»¹¹.

Правда, в учебной литературе «арии» не связываются с «русичами», однако особенностями своего изложения темы она готовит школьников к позитивному восприятию рассматриваемого здесь мифа. Этот миф отстаивается достаточно влиятельным течением русских националистов, пытающихся тем самым доказать, что евразийские просторы изначально принадлежали русским. Иными словами, расширение границ Российского государства в XVI–XX вв. рисуется ими не как завоевание, а как возвращение на свои исконные древние земли. И это напоминает советскую манипуляцию с историографией, когда в 1940–1950-х гг. «колониальное завоевание» превратилось в «присоединение» и «добровольное вхождение».

Сегодня, благодаря «фольк-истории» и русским неоязычникам, «арийский миф» получает все большую популярность. Теперь даже некоторые продавщицы женской одежды убеждены в том, что славяне – это «чистопородные арийцы»¹². Мало того, сегодня арийский миф служит стержнем идеологии скинхедов, пытающихся очищать Россию от «инородцев»¹³.

¹⁰ См.: Шишов К.А. Урал в судьбе России. Челябинск: Изд-во Автограф, 1996. С. 12–14. Специалисты связывают происхождение гимнов Ригведы с регионом, охватывающим Афганистан, Северный и Центральный Пакистан и Северную Индию.

¹¹ См.: Григорьев С.А. Дорогами арийских колесниц // Миненко Н.А. и др. (ред.). Очерки истории Урала. С. 34–43. Выдержки из этой работы воспроизводятся и в более солидном учебнике по истории Урала: Личман Б.В. (ред.). Указ. соч. Кн. 1. С. 52–54.

¹² См., например: Егерева Е. Русская жизнь // Большой город. 2008. 9–22 апр. (№ 6). С. 13.

¹³ См.: Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007.

Б) *Миф о «прародине»*, где «прародина» отождествляется со своим регионом, получающим, тем самым, престижный статус «материнской территории», способный подкрепить определенные политические претензии. Так, миф о предках-арийцах, расселившихся из сердца Евразии и основывавших древнейшие цивилизации Старого Света, подхватывают некоторые местные политики и бизнесмены. В середине 1990-х гг. в Екатеринбурге вышла книга, авторы которой изображали Южный Урал центром мира на том основании, что там сложилась индоиранская (арийская) общность, которая якобы и разнесла цивилизацию по всему Старому Свету¹⁴. Характерно, что среди авторов этой книги был депутат городской Думы, один из авторов проекта Уральской республики (1993 г.). Аналогичные идеи отмечались и в Челябинске, где тогда же вызревал замысел Южно-Уральской Республики. Там, как уже отмечалось, особое место в формировании местного патриотизма сыграли открытые археологами уникальные памятники начала II тысячелетия до н. э. («Страна Городов»), которые связываются учеными с индоиранцами¹⁵. А в Вологде пропагандируется идея о том, что прародина арийцев располагалась на Русском Севере¹⁶.

В) *Присвоение чужого культурного наследия*. Челябинские законодатели искусственно вычеркивают «инородцев» из далекого прошлого своей области. В учебном пособии, выпущенном под грифом Законодательного Собрания и Администрации Челябинской области и предназначенном для депутатов, государственных чиновников и преподавания в вузах, история Волго-Уралья начинается с упоминания «двух могущественных для того времени царств –

¹⁴ См.: Баков А.А., Дубичев В.Р. Цивилизации Средиземья. Екатеринбург: Урал. рабочий, 1995.

¹⁵ См.: Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму... С. 58–85.

¹⁶ Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда: Обл. науч.-метод. центр культуры и повышения квалификации, 2003. Жарникова – этнограф по профессии, но ее «арийские идеи» не нашли отклика в профессиональной среде. Зато ими, похоже, заинтересовался успешный вологодский бизнесмен. (См.: Суров М.В. Вологодчина: невостребованная древность. Вологда: Б. и., 2001. С. 146.) О нем см.: Емельяненко В. Кого не любит первая гильдия // Московские новости. 1994. 30 янв. – 6 февр. (№ 5). С. 11.

Хазара и Булгара», образованных будто бы «славянскими племенами». О ранних тюрках и их истории в Приуралье челябинским читателям не сообщается. Они узнают о «мусульманах-башкирах» только в разделе, посвященном XVII в., в связи с попытками насильственной христианизации башкир и их ответными восстаниями. О том, что башкиры являются коренным населением Южного Урала, авторы учебного пособия хранят молчание¹⁷.

Г) *Искусственное расширение границ исторической территории*. На Ставрополье спешат обнаружить следы пребывания славян на Северном Кавказе в эпоху раннего Средневековья и в доказательство древности и укорененности там русской государственности расширяют границы Тмутараканского княжества XI в. от Тамани до р. Большой Егорлык, что на северо-востоке Ставропольского края¹⁸. Тем самым в состав этого княжества включается львиная доля Краснодарского края¹⁹. И эта версия даже попадает в региональный школьный учебник, где, кроме того, основание княжества приписывается легендарному князю Бравлину, проникновение «славяно-русов» в Крым и Северное Причерноморье относится к IV–VII в., а якобы их потомки, «приазовские славяне» рисуются создателями никогда не существовавшего «древнеказачьего государства Казакии» XI–XII веков²⁰.

¹⁷ См.: Выдрин И.В., Кокотов А.Н., Саломаткин А.С. Челябинская область – субъект Российской Федерации. Челябинск, 1997. С. 7–10.

¹⁸ См.: Найденко А.В. К вопросу о начале русской истории на Северном Кавказе // Афанасьев Г.Е. (ред.). Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1996. С. 117–119; Он же. Центральное Предкавказье в эпоху Средневековья // Черногоров А.Л. (ред.). Наш край Ставрополье. Ставрополь: Шат-гора, 1999. С. 48, 60–62. Все эти построения были опубликованы в престижном популярном издании о Ставрополье, вышедшем под патронажем бывшего губернатора Ставропольского края А.Л. Черногорова.

¹⁹ Действительно, в Краснодарском крае делаются попытки вести свою историю от Тмутараканского княжества, если не вообще от Боспорского царства. (См.: Ротов В.С., Придиус П.Е. Кубань: один год с Батькой Кондратом и его дружиной. Краснодар: Сов. Кубань, 1998. С. 12.)

²⁰ См.: Судавцов Н.Д. (ред.). История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 г. Ставрополь: СКИПКРО, 1996. С. 52–58. Все это вышло из-под пера местного археолога А.В. Найденко.

Между тем детально изучивший вопрос о границах Тмутараканского княжества известный советский археолог А.Л. Монгайт высказывался об этом много осторожнее и делал вывод о том, что «нет доказательств наличия славянского населения на Северном Кавказе в средние века»²¹. Вопрос о границах Тмутараканского княжества остается открытым, и многие современные историки ограничивают его территорию Таманским полуостровом и некоторыми близлежащими районами. Лишь на короткое время в XI в. оно подчинило себе адыгские племена западной четверти Краснодарского края²².

Д) *Миф о происхождении государства* изображает регион священной землей, где надо искать истоки русской государственности. В связи с напряженной обстановкой вокруг Калининградской области в этом отношении заслуживает внимания гипотеза о заселении Юго-Восточной Прибалтики в раннем Средневековье западными славянами, к которым якобы и принадлежал Рюрик с его воинством. Она уже активно используется некоторыми русскими националистами²³ и поддерживается рядом известных российских историков, считающих вопрос об этнической принадлежности варягов очень важным²⁴. Так, идея о славянстве Рюри-

²¹ См.: Монгайт А.Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Шунков В.И. (ред.). Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 54–61.

²² См.: Кузнецов В.А., Медынцева А.А. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 11–17; Гадло А.В. Тмутараканские этюды. Ч. 4 // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 4. С. 7–10; Кваша В.П. (ред.) История Кубани. М.: Дрофа, 1997. С. 10, карта.

²³ См.: Терентьев А. Мы живем не на чужой земле // Русский вестник. 1991. 29 нояб. (№ 28–29). С. 9; Демин В.М. От ариев к русичам: концептуальный очерк языческой истории до Рюрика, которая у нас никогда не преподавалась. Омск, 1998. С. 81.

²⁴ См.: Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? М.: Писат. акцион. о-во, 1993; Он же. Два вида русов в Юго-Восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. 2003. № 8 (156). С. 192–213; Сахаров А.Н. Рюрик и судьбы российской государственности // Российская газета. 2002. 27 сент. С. 8; Он же. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества. 2003. № 8 (156). С. 9–17; Он же. «Варяги были

ка дает основания Калининградской области представить себя родиной русской государственности.

Между тем археологам удалось углубить дату возникновения Старой Ладogi, которая, как оказалось, была заселена еще до прихода варягов. Во второй половине 1990-х гг. ученые исследовали доваряжский слой, связанный с обитанием там различных славянских племен. С помощью дендрохронологии для древнейшего поселения Старой Ладogi была получена дата – 753 год. И в 2003 г. город торжественно отметил свое 1250-летие и, вслед за его неутомимым исследователем А.Н. Кирпичниковым, был назван «первой столицей Руси». В связи с этим журналисты подчеркивали, что Старая Ладoga была подлинно интернациональным городом, и «народы сообща строили Русь»²⁵. Следовательно, миф

славянами» // Сельская новь. 2004. № 7. С. 38–39; Он же. «Норманнская теория – абсурдное дело!» // Известия. 2004. 17 июля. С. 2; Фомин В.В. Открытый разговор о варяжской Руси // Отечественная история. 2004. № 1. С. 206–210; Он же. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Рус. панорама, 2005. Об этом также см.: Шнирельман В.А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 8–9. Утверждения о том, что будто бы Калининградская земля принадлежала древним славянам, остаются необоснованными, и вплоть до начала 1990-х гг. местный учебник по краеведению связывал ее с пруссами. И археологи демонстрировали, что в раннем Средневековье там обитали балтоязычные пруссы. (См.: Гуревич Ф.Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 76. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 328–451; Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990; Бирковский В.Г., Исапов В.С., Фарутин И.А. История нашего края. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1990. С. 7.) См. также: Муромцева Л.П. Восточная Пруссия и Россия // Преподавание истории в школе. 2002. № 10. С. 17. Рассматривая этот дискурс, следует, конечно, учитывать, что в современной ФРГ имеются реваншисты, мечтающие о возвращении Восточной Пруссии. (См.: Шпаков Ю. «Калининградская» лекция неонациста Редера // Московские новости. 1997. 14–21 дек. С. 8.) Претензии на нее предъявляли и некоторые литовские политики. (См.: Афанасьева Г. Ландсбергис делит Калининградскую область // Московские новости. 1995. 20–27 авг. С. 8.)

²⁵ См.: Чернов А. Загадки озерных людей: У России была другая история // Огонек. 1999. № 9. С. 29–31; Он же. Открытие России состоялось // Новая газета. 1999. 15–21 марта. С. 19; Костюковский В. Старая Ладoga: у истока русской истории // Новые Известия. 1999. 4 сент. С. 6; Он же. Вспомним о древней столице Руси // Новые Известия. 2001. 26 июня. С. 5; Антипов М. «Вестник

о происхождении государственности вовсе не обязательно должен иметь этноцентристский характер.

Между тем новгородское пособие по истории отличается в этом отношении двойственностью. С одной стороны, там говорится о гетерогенности населения новгородской территории в раннем Средневековье: там жили «не только славяне, но народы Балтии, Карелии, Скандинавии». Также показывается бесперспективность споров об этническом происхождении Рюрика и даже подчеркивается, что версию о его славянском происхождении поддерживают те, кому обидно, что Древнерусское государство создали «чужаки». Но с другой стороны, на тех же самых страницах «наши предки» изображаются славянами, а их дохристианские верования оказываются исключительно славянским язычеством²⁶.

Ж) *Идея имперской миссии и культуртрегерства*. Важным способом интеграции окраин в единое поле российской государственности служат юбилеи городов, основывавшихся русскими на землях, присоединявшихся к Российской империи. Этим подчеркивается неравенство культур и цивилизаторская миссия пришельцев-колонизаторов. Например, власти ряда городов Северного Кавказа (Сочи, Туапсе, Нальчик и др.) провели в конце 1980-х гг. юбилейную кампанию в честь их основания в первой половине XIX в. как русских крепостей. Однако сегодня идея колониального владычества непопулярна, и эта кампания вызвала негодование адыгов. Местные ученые достаточно убедительно доказывали, что русские крепости были основаны на месте предшествовавших адыгских поселений²⁷.

государства Российского» // Невское время. 2006. 4 июля. С. 6; Макаров А., Сусаров А. Как стареют российские города // Новые Известия. 2006. 13 янв.

²⁶ См.: Сеченикова Л.Ф., Коложвари И.А. Великий Новгород и я: Раб. тетр. М.: Просвещение, 1998. С. 10–11, 15.

²⁷ См.: Ачмиз К.Г. К вопросу о дате основания некоторых городов Северо-Западного Кавказа // Мекулов Д.Х. (ред.). Черкесия в XIX в.: (Материалы 1-го Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп: Адыг. НИИ экономики, яз., лит. и истории, 1991. С. 144–156; Думанов Х.М. Нальчику – 246 лет // Адыги: Культ.-ист. журн. 1991. № 2. С. 150–153.

Тем самым демонстрировался колониальный характер такого рода чествований. Между тем такое удревление местных городов и попытки оторвать их от русской градостроительной деятельности вызывают возмущение у ряда русских историков²⁸.

Новый скандал вспыхнул недавно, когда намечалось празднование 150-летия Майкопа как старой русской крепости. Против этого выступили представители Съезда Черкесского народа, ссылавшиеся на некие археологические данные, говорящие якобы о том, что древнейшее городище возникло на р. Белой еще в бронзовом веке. Независимо от исхода этого конфликта, кубанский аул Тахтамукай отпраздновал свое 2500-летие, наглядно показав стремление адыгов одержать победу в символической битве за исторический приоритет²⁹.

3. *Идея самобытного исторического культурного очага*, которая воплощается в попытках наделить свои регионы особым местом в истории России, в становлении ее государственности и культуры. Это встречается в центральных регионах и на севере России, где русские не ощущают никакой угрозы со стороны «чужаков». Там политиков интересуют иные проблемы. Во-первых, там, видимо, памятуя о сконструированном Сталиным «курско-орловском диалекте», курские интеллектуалы представляют свою землю «неотъемлемой, корневой и центральной областью русского этноса» и доказывают, что несут поэтому «особую ответственность за судьбу страны, государства, языка, культуры, традиций»³⁰.

Во-вторых, регион может представляться рефугиумом, или центром сохранения традиционных культурных ценностей. Как

²⁸ См.: Великая Н.Н., Пылков О.С. О попытках передатировок и изменения названий некоторых городов Северного Кавказа // Виноградов В.Б., Ктиторова С.Н. (ред.). Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. М.; Армавир, 2006. С. 41–45.

²⁹ См.: Баканов К., Перов С. Прощупывают почву // Новые Известия. 2006. 15 сент. Речь шла о реальной древней плитке, которая однако была неверно датирована, а нанесенная на ней надпись на неизвестном языке получила сомнительную трактовку в работах ленинградского филолога Г.Ф. Турчанинова. Об этом см.: Шнирельман В.А. Войны памяти. М.: Академкнига, 2003. С. 350–352.

³⁰ Королев Б.Н. (ред.) История и современность Курского края: Регион. учеб. пособие. Курск: ГУИПП «Курск», 1998. С. 5.

известно, в Архангельской области счастливо сохранились весьма архаичные элементы русской культуры и образцы фольклора. На этом основании там в постсоветское время выковывалась идея о Русском Севере как прообразе и символе всей России, «земле обетованной», о его особом предназначении в духовном преображении современной России; путем к этому провозглашается областничество, понимаемое как административное устройство русских земель Допетровской эпохи ³¹.

В-третьих, идея рефугиума может сочетаться с метафорой «прародины». Например, в Архангельской и Мурманской областях стараниями московского философа В.Н. Демина ³² становится популярной идея о происхождении мировой цивилизации едва ли не с Кольского полуострова, где обитали якобы далекие предки русских – «гипербореи», или арии ³³. Миф о «предках-арийцах» привлек внимание и некоторых пропагандистов «русской цивилизации», приписавших ей «гиперборейские арийские корни»³⁴.

4. *Идея политической специфики.* В ряде случаев самобытность связывается не столько с культурными особенностями, сколько с особым политическим устройством. Такая версия истории характерна для Великого Новгорода, который представляет себя древним центром демократической формы правления, что сближает его с городами Западной Европы и выделяет на общем фоне Древней Руси. В учебном пособии особое место уделяется новгородскому вече как носителю самоуправления и

³¹ См.: Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск, 1993.

³² См.: Демин В.Н. Тайны русского народа; Он же. Загадки Русского Севера. М.: Вече, 1999; Он же. Гиперборея...

³³ См.: Кузнецова С. По следам Гипербореи // Полярная правда. 1997. 21 авг. С. 1; Большакова Н. Зов Святоозера // Свет. 1998. № 2. С. 12–16. «Открытие» Демина были отмечены даже телевизионным каналом ОРТ 22 ноября 2002 г., и им была посвящена серия статей в еженедельнике «Аргументы и факты» в ноябре 2006 – марте 2007 года.

³⁴ См.: Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России. М.: Изд-во «Студия»: Вече, 2001. Ч. 1. С. 464–485.

главному символу Новгорода. Наряду с этим немало говорится и о берестяных грамотах, рисующих древних новгородцев образованными людьми, что также выгодно отличало их от остального населения Руси. Обращает на себя внимание тот факт, что львиная доля пособия (80 % всего объема), предназначенного для учащихся 5–9-х классов, посвящена демократическому периоду в жизни Новгорода, то есть до 1570 г., когда новгородская республика пала ³⁵. Иными словами, новгородская республика показана не только единственным оплотом демократии в истории Руси, но и примером для будущей демократической России, хотя об этом в открытую и не говорится.

5. *Идея героики, делающая акцент на местных исторических деятелях, оказавших влияние на ход российской истории.* С этой точки зрения, весьма показательным выглядит пример Костромской области, где по инициативе ее бывшего губернатора В.А. Шершунова в 2001 г. была принята программа исследования памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Программа была успешно реализована, и местным археологам удалось обнаружить «захоронение самого Ивана Сусанина». Это произошло в нужное время, когда в России обсуждалось введение нового праздника – Дня народного единства, – и властям требовались весомые аргументы в пользу значимости избранного для него исторического события ³⁶. И хотя, по мнению непредвзятых специалистов, «с точки зрения археологии, об обнаружении останков Ивана Сусанина в Исуповском могильнике говорить пока не приходится», власти Костромской области уже ставили вопрос и о канонизации останков, и об их торжественном захоронении в каком-либо престижном месте. Впрочем, при всей его значимости подвиг Ивана Сусанина рассматривался лишь как момент в славной истории области, и власти выдвигали гораздо более величественную задачу для археологов: «удревнить кост-

³⁵ См.: Сеченикова Л.Ф., Коложвари И.А. Указ. соч. При этом существенную роль в репрезентации жизни древнего Новгорода играют археологические находки.

³⁶ См.: Малахов А. Сусанина опознали // Российская газета. 2005. 30 марта.

ромскую историю, как минимум, на 13 000–14 000 лет», а заодно удревнить и историю города Костромы ³⁷.

6. *Геополитический миф*. Иногда претензии на свою особость ищут основания не столько в культурной специфике, сколько в бесценном вкладе данного региона в развитие человеческой цивилизации. В частности, в последнее время на Урале расцветает миф, основанный на богатых местными символами сказах, созданных когда-то П.П. Бажовым. Миф представляет Урал как «землю отмеченную, занимающую особое место на планете». Из него следует, что не люди облагородили и одухотворили территорию обитания своей деятельностью и своими духовными представлениями, а сама местная земля в силу своих сверхъестественных качеств наделила людей особыми талантами. Исторический дискурс присутствует и здесь, но он уже несамостоятелен, а является заложником геологии. Якобы именно геология сделала Урал «прародиной древних народов», наделила их «избранностью» и придала им «особую миссию». В этом контексте Аркаим и «Страна Городов» рисуются внешним выражением действия тайных оккультных сил, содержащихся в уральской земле ³⁸.

Эта тема получает развитие и в Омской области, где, по учению индийского гуру Бабаджи, якобы располагалось главное святилище всего человечества – Храм Ханумана, воздвигнутый ариями, которые именно оттуда разнесли священные ведические знания по всему свету. По этому учению, лишь восстановление святилища способно спасти мир от вырождения и грядущей катастрофы. Этот миф также делает упор на оккультных свойствах местности и наделяет ее особой миссией, имеющей всемирно-историческое значение. Однако исполнить такую миссию способен не каждый. Священная история этнизируется, и легендарный Рама, битва которого с демонами переносится в Западную Сибирь, оказывается «светловолосым славянином». По этой логике и «арии» отождествляются со «славянами». Ме-

³⁷ См.: Беляев Л., Бужилова А., Петров А. Патриотический скелет в народном шкафу // Родина. 2007. № 8. С. 58–63.

³⁸ См.: Никулина М. Указ. соч. С. 165–179.

сто, о котором говорится в мифе, было локализовано последователями неоиндуистского учения в долине р. Тара, необычайно богатой археологическими памятниками. С 1992 г. там обосновалась религиозная община, и ежегодно проводятся ведические обряды. Так местная деревня Окунево стала предметом паломничества любителей эзотерики и восточных культов не только из Омска, но даже из Москвы и из-за рубежа. Приверженцы упомянутого учения верят в то, что сейчас заканчивается страшная эпоха *кальюга*, близится катастрофа, которая погубит Англию и США. Но Россия должна спастись, и ее расцвет начнется в Сибири, причем окуневский центр послужит чем-то вроде ковчега, в котором когда-то спасся легендарный Ной. Иными словами, именно Западной Сибири предназначено стать центром возрождающейся цивилизации, а Окуневу отводится место важнейшего «энергоцентра», куда из космоса поступает спасительная энергия³⁹. Остается добавить, что своей широкой популярностью все эти фантазии обязаны уроженцу долины р. Тары, журналисту М. Речкину, сумевшему заинтересовать ими влиятельных людей области. В результате в долине р. Тары был построен бальнеологический и туристический комплекс, а губернатор Омской области Леонид Полежаев подписал указ о признании Окунева и его окрестностей историко-культурной рекреационной зоной.

В свою очередь, Пермь также претендует на звание «центра мира», и символическими способами пытается отвоевать для себя место как в центре глобального пространства, так и в начале исторического времени. Здесь это обосновывается не только геологическим богатством Урала, но и геологической хронологией, позволяющей вынести Пермь далеко за пределы человеческой истории и связать с «пермским периодом» (т. е. 250 млн лет назад). Конкурируя с Окуневым, Пермь также представляется местом концентрации энергий, исходящих как из недр

³⁹ См.: Речкин М. Окуневский ковчег // Свет. 1996. № 5. С. 49–50; Он же. Окуневский ковчег-2 // Свет. 1996. № 9. С. 62–63; Он же. Прогнозы с планеты Сатр // Свет. 1998. № 1. С. 50–51; Он же. Сибирский Китеж-град // Наука и религия. 1998. № 9. С. 20–23; № 10. С. 12–15; Мач В. Точка радости // Итоги. 2006. 27 февр. С. 84–87.

Земли, так и из космоса. И это якобы также придает ей некую цивилизационную миссию и делает ее «спасительным ковчегом», призванным отвести от человечества приближающуюся катастрофу. Одновременно Пермь рисуется не только центром мира, но и границей между мирами: в одних версиях она выглядит «воротами в Европу», в других – «воротами в Сибирь». Эта граница имеет и иное символическое преломление – как духовная граница (между христианством и язычеством) и историческая граница (между Московской Русью и Российской империей). И это пограничное состояние задает тревожный тон образам Перми, культивирующимся пермскими интеллектуалами в течение последних двадцати лет⁴⁰.

Идеи центра и границы популярны и в Екатеринбурге. Представляя себя серьезным конкурентом Москвы и оттеняя свою высокую экономическую и культурную значимость, Екатеринбург еще пятнадцать лет назад стал внимательно присматриваться к евразийской идее. А в начале XXI в. он начал примерять к себе одежды «столицы Евразии» и культивировать местную версию евразийской идеи. Этим он стремится позиционировать себя мостом, связывающим континенты, и в то же время центром, где сохраняется самобытное культурное и историческое наследие⁴¹. В мае 2000 г. Екатеринбург стал центром Уральского федерального округа, однако статус «столицы Урала» не утолил его амбиции, ибо ему хотелось большего. В конце мая 2002 г. эти претензии были озвучены на Всероссийской научно-практической конференции «Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице». Там мэр города А. Чернецкий подчеркнул расположение города на границе Европы и Азии, назвав это большим символи-

⁴⁰ См.: Абашев В.В. Пермь как центр мира: Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 275–287. Не исключено, что эта тревожная атмосфера, созданная мифом, повлияла на местных сектантов, объявивших в конце 2007 г. о близящемся конце света.

⁴¹ См.: Болотова А. Европа – Екатеринбург – Азия // Родина. 2003. № 8. С. 61–63; Давыденко А. Власть языка и язык власти (анализ регионального мифа) // Венедиктова Т. (ред.). Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 83–84.

ческим капиталом, и, исходя из этого, было принято решение о строительстве туристического комплекса «Европо-Азия»⁴². Знаковое название «Евразия» пользуется в городе популярностью. В частности, его гордо носит местный баскетбольный клуб, и в области ежегодно проводится лыжный марафон «Европа – Азия».

Итак, версии исторического развития регионов и репрезентации этого развития нагружены глубоким политическим или этнополитическим смыслом. Они находятся на службе символической политики и связаны с символическим освоением исторического времени и пространства. Показательно, что в рассмотренных версиях истории нет и намека на гражданскую идентичность, зато постоянно подчеркивается идентичность этническая, русская. При этом символическая экспансия русскости идет каквширь (смена топонимики, возведение памятников), так и вглубь (углубление истории русского народа в целом или, в частности, в данном регионе). Любопытно, что это происходит на фоне отлива русского населения с северных территорий, с Дальнего Востока и из республик Северного Кавказа. Поэтому речь должна идти не столько о реальной экспансии, сколько о стремлении сохранить за собой территорию символическими способами. Ярким свидетельством этому служит «арийский миф», и весьма показательно, что «народная археология» направляет свои усилия на изучение крайних пределов территории России – крайнего юга (Эльбрус, «раскопки» Асова) и крайнего севера (Кольский полуостров, «раскопки» Демина), где русское население продолжает таять и его присутствие становится эфемерным. Кроме того, объявляя Арктику «гиперборейской прародиной», то есть прародиной «славяно-русов», «арийский миф» пытается наделить русских абсолютной самобытностью и противопоставить их остальному миру, подчеркивая «особый путь», которым якобы испокон веков следует «русская цивилизация». Но, изолируя предков от всех других народов мира, он, во-первых, страдает очевидным изоляционизмом, а во-вторых, имеет безусловный расистский привкус.

⁴² См.: Казанцева Т. Стефан обещал вернуться // Уральский рабочий. 2002. 24 мая С. 1; Мэр подвел итоги конференции // Там же. 25 мая. С. 1.

Если в нерусской среде выковываются этноцентристские мифы о прошлом⁴³, то в русских регионах доминирует стремление не столько заявить о своей какой-то особой этничности, отличной от русской (хотя, как мы видели, и такие примеры встречаются), сколько, напротив, продемонстрировать свою некую сверхрусскость. Фактически регионы борются за статус «суперрусских», достойных быть русскими в большей степени, чем все остальные. Этому придается исторический ракурс, т. е. в регионах связывают свою землю с истоками тех или иных атрибутов русского народа: происхождением его языка, государственности, традиционной культуры или даже его самого. Мало того, иной раз русский народ рисуется едва ли не первонародом с присущей ему культуротворческой и цивилизаторской миссией. Свое крайнее выражение это находит в «геологическом подходе», выводящем как данный регион, так и Россию в целом за пределы человеческой истории и наделяющем их некой космической энергетикой, позволяющей претендовать на особое место в современном мире. Все это хорошо согласуется со становящейся вновь популярной имперской идеей и претензией на доминирующее положение русских в России как «государствообразующего народа», а также со стремлением России вернуть себе статус сверхдержавы на мировой арене.

Особая ситуация наблюдается в окраинных регионах, где русские не столь уверены в своей безопасности, как обитатели центральных территорий. Поэтому там принимаются особые меры по интенсивному символическому освоению пространства, наполнению его символами русскости. Создателям местных версий истории это кажется тем более важным, что в постсоветское время наблюдается все большее расхождение между имперскими пред-

⁴³ См.: Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Он же. Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006; Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D.C., Baltimore & London, 1996; Idem. *Purgas* und *Pureš*: Urahnen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität // Eugene Khelimsky (ed.). *Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität*. S. 529–563. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 2005.

ставлениями о «присоединении» и «добровольном вхождении», характерными для федеральных учебников истории, и постколониальным настроем многих историков в этнонациональных республиках, где прежней популярностью пользуется идея о «колониальном завоевании». Все это приводит к конфликтам, которые иной раз выходят далеко за рамки интеллектуальных битв.

В то же время нетрудно заметить, что сегодня региональные или локальные версии истории нередко создаются для одноразового использования – празднования юбилеев и получения для этого обильного финансирования. Кроме того, некоторые из таких версий предназначены своими создателями для развития туризма.

Данная статья не претендует на то, чтобы дать полное представление о разнообразных версиях истории, представленных в разных регионах России. Рассмотренные в ней версии истории, разумеется, далеко не исчерпывают разнообразия исторических фантазий. Однако они дают представление о некоторых важных дискурсах, встречающихся сегодня в российском обществе и у его интеллектуальной элиты.

**«КОНТРОЛЕРЫ ПАМЯТИ»
И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ
В «ВОЙНАХ ПАМЯТИ»**

Та часть современной гуманитаристики, которая имеет отношение к изучению прошлого кавказского «региона», особенностям утверждения именно российского присутствия в регионе, несвободна, по мнению автора, в значительной степени от синдрома «колониального дискурса», активно складывавшегося при участии в указанном процессе Российской империи уже с конца XVIII века. Имперская, националистическая риторика все чаще звучит на Кавказе, в том числе со стороны тех интеллектуалов, кто относит себя к представителям «государствообразующей» нации. В историографии налицо явная опозитизация (героизация) участия, например российских, элит в «усмирении» Кавказа (генералов Г. Засса, А. Вельяминова, Н. Слепцова) и, напротив, акцент на «несознательности» тех же западных адыгов, якобы увлеченных к переселению в Османскую империю в XIX в. исключительно под воздействием местной же знати и духовенства, а также «почему-то» не желавших видеть всех выгод переселения из гор на равнину во время и по окончании Кавказской войны. По справедливому замечанию В.В. Дегоева¹, «в кавказоведческой литературе культивируются комплексы величия и мученичества. Разрушительные каждый по себе, вместе они образуют гремучую смесь, готовую воспламениться массовой ненавистью и межэтничес-

¹ Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI в. и пути развития российского кавказоведения // «Кавказ в российской политике: история и современность»: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, МГИМО (У) МИД России, 16–17 мая 2006 г.). М., 2007. С. 19.

кими войнами». Подчеркну особо, что отечественное гуманитарное знание, включая предметное поле казачковедения, шире – исторического регионоведения, и это особенно заметно в последние годы, все более подвергается влиянию ряда «старых» исторических мифов, вновь вызванных к жизни условиями их функционирования в конце 1980-х – 1990-х гг. (например, распадом СССР и поиском его правопреемницей – Россией – национальной идеологии в целях удержания «новых старых окраин»). Примечательно, что с указанными событиями совпадают во времени процессы так называемого «возрождения казачества», все более приобретающего политическую окраску. Кубанское казачество, по сути, объявлено *ab ovo* мифа региональной истории Кубани, о составляющих которого, в частности, пойдет ниже речь.

Многими учеными (не говоря уже о состоянии массового исторического сознания, «фолк-дискурса») охотно разделяется такое, мягко сказать имперское, мнение о том, что «переход в собственность России... Кавказа, населенного, как ясно, людьми из другой части мира, как и следующие из этого права “нас” на “их” ресурсы... обоснованы не “нашими” эгоистическими (по нынешнему – национальными) интересами, а “их” интересом и пользой: “если бы не мы, они бы не приобщились...”². Напротив, в «национальных» историографиях четко прослеживается своя «историческая правда», также замешанная на этнизации исторического процесса. По сути, сообщество интеллектуалов живет в параллельных «историографических мирах», одна из причин чему – теснейшая связь истории с коллективной памятью, переплетающихся «в сложную ткань национального и культурного самосознания». Справедливо утверждение В.А. Шнирельмана о том, что историки разделяют «предубеждения и заблуждения, свойственные своей эпохе и своему социальному ок-

² Ливенсон А. «Кавказ» подо мною: Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага / Сост. Л. Гудков; Ред. Н. Конрадова. М., 2005. С. 286.

ружению, и это оказывает то или иное влияние на их профессиональную деятельность, начиная от выбора предмета исследования до интерпретации полученных данных»³.

Оценка исторического опыта практик Российской империи по интеграции разнородных групп населения в пределах одного государственного пространства также получает неоднозначную трактовку. Часть экспертного сообщества считает, что российская власть должна отказаться от имперских методов управления Северным Кавказом, «когда главной задачей считается не интеграция региона в общероссийское правовое, социально-культурное пространство, а внешний контроль и внешняя же лояльность Москве»⁴. Напротив, другие специалисты говорят об уникальности процесса имперской интеграции, о том, что образ империи символизировал не господство одной нации над другими, а воплощал в себе «сверх-идеологию, добровольное самоотжествление, состояние ума и души человека, независимо от его веры, этнического происхождения, социальной принадлежности, уровня образования и культуры»⁵. В любом случае, в сегодняшней России стремительно сокращается расстояние между «ремеслом историка» и современным политическим дискурсом, включая облуживание националистических и ультранационалистических идеологий, создание некоторых версий регионального историописания⁶. В прошлом, например, Кубани четко выделяется период, который в «местной» историографии (Краснодарский край) выступает в роли «водораздела» между всей предыдущей и всей последующей историей региона – включая отношение к характеристикам «присоединенных» народов и громадных исторических

³ Шнирельман В.А. Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006. С. 533.

⁴ См.: Маркедонов С. Кавказское многоочие. 2008 г. 26 февр. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2008/02/26_a_2649259.shtml.

⁵ Дегоев В.В. Политика России в Закавказье и формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Он же. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. М., 2006. С. 239.

⁶ См.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии истории. М., 2006. С. 14–32; и др.

периодов. Речь идет о событиях конца XVIII в., когда по итогам Русско-турецких войн второй половины XVIII в. Крымское ханство было ликвидировано и Манифестом 8 апреля 1783 г. империя обрела, наряду с полуостровом Крымским, также «остров Тамань и всю Кубанскую сторону»⁷. Через несколько лет земли Правобережной Кубани станут активно заселяться казаками Черноморского казачьего войска, вследствие чего будет существенно трансформирован культурный ландшафт региона⁸. Именно этот период, по мнению автора, активно пропагандируется в качестве онтологического Начала в истории региона и того исторического «водораздела», который отделяет его «русскую» составляющую прошлого от «нерусской» – например, тех веков, когда Кубань входила в состав Крымского ханства, находясь еще при этом в сфере влияния Османской империи.

Характерная черта современного развития многих российских регионов – регионализация, которая находит свое выражение и в области культурно-образовательного пространства. Демократизация общественной жизни, свобода слова явили массовому сознанию самые различные образцы научного подтверждения особого якобы участия регионов, отдельных народов в деле «собираания русских земель» под высокой рукой Москвы (либо, наоборот, всенародного героического сопротивления имперским

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (далее – ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 21. С. 897.

⁸ См. итоги промежуточных результатов обращения автора к данной проблематике: Сень Д.В. «Черноморья» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII в. – первой половины XIX в. // Итоги Фольклор.-этнограф. исслед. этнич. культур Северного Кавказа за 2005 г.: Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006; Он же. Дискурс империй, казачество и региональные особенности управления Россией пограничными территориями: «Фанагория – Черноморья – Кубань» (конец XVIII в. – середина XIX в.) // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России: Материалы Междунар. конф. (5–7 окт. 2006 г.). Астрахань, 2006; Он же. Воображаемая география и имперский дискурс: практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // Этнографическое обозрение. 2008. № 3.

устремлениям России). Отмечая несомненные достоинства такого подхода (учитываются различные векторы государственного строительства *исчезнувшего, впрочем, ныне* Российского государства), нельзя не сказать об оборотной стороне медали: историческое прошлое все чаще вторгается в современное историческое сознание именно теми своими образами, которые могут получать самую разную интерпретацию, порождая эскалацию «войн памяти». К сожалению, все большее распространение в обществе получает та точка зрения, что в прошлом можно найти ответы на все злободневные вопросы современности, особенно на имманентно конфликтогенном Северном Кавказе.

Почему именно в прошлом, которое не дано нам в конкретном опыте, почему не в настоящем, где, как никогда, личный опыт того или иного актора исторического процесса способен развить в человеке чувство *сопричастности* к живой истории своей страны, своего народа, которая вскоре станет «светлым будущим», гордое чувство *личного* участия в творении национальной истории? Оказывается, что обращение к прошлому «выгодно» по ряду показателей: оно служит мощным мобилизационным фактором общества – прежде всего в интересах государства, способствует определенному выходу общества из кризиса идентичности, дает уже освященные опытом предков «готовые рецепты» решения вопросов, *внешне* походящих на современные проблемы современности. Кроме того, прошлое «безобидно и беззащитно» – на том простом основании, что поскольку оно не поддается непосредственному, чувственному восприятию, то оно «нуждается» в дешифровке и реконструкции. И наконец, социальная память нуждается в этой своеобразной таблетке «забвения и прозрения», поскольку с организма, в данном случае общественного, *снимается громадный груз ответственности* за происходящие внутри его процессы, лишая тем самым этот организм возможностей к включению собственных механизмов защиты и функционирования.

Полагаю, что накопленный во многих регионах опыт нынешнего резкого всплеска интереса к истории, в данном случае реги-

ональной, свидетельствует не столько о «возрождении нации», освободившейся от пут тоталитаризма, сколько об «окукливании» в новые формы старой болезни закрытого общества – отсутствию гражданской ответственности за происходящее в стране, умелому сокрытию за личиной «исторической сопричастности» приверженности идеям советского коллективизма и сохранению генофонда homo soveticus. Думается, что в условиях бурно развивающегося регионального направления в исторической науке многие исследователи Юга России напрасно пытаются доказать права того или иного народа на «свою» землю», обязательно указав на конкретную этническую принадлежность, например «земли адыгов», с самых незапамятных времен. Все это, по справедливому замечанию В.М. Викторина, В.А. Кузнецова и И.М. Чеченова⁹, «откат к идеологии средневековья», «отступление на позиции местничества и соплеменности». Итак, этнизация местной истории, как правило, господствующая в «логике» регионального подхода, приводит, как минимум, к маргинализации роли других участников исторического процесса и повышению уровня напряженности, например, в тех «русских областях» Кавказа, которые и сейчас могут быть отнесены к «принимающим» мигрантов регионам.

Данная статья и призвана в определенной степени ответить на вопросы о причинах столь пристального обращения самых различных сообществ Краснодарского края к историческому прошлому «кубанского региона»; определить вероятные «болевые точки» исторического сознания жителей Кубани, на которые умело оказывают нажим сторонники «контролируемой нормализации межнациональных отношений», небезуспешно используя такие «химеры» региональной идентичности, как «коренной народ», «родная земля», «малая родина». Наконец, нас будет интересовать такой вопрос: почему кубанское общество остается во многом

⁹ Викторин В.М. [Рец.]. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Пятигорск; М., 1998 // Гуманитарная мысль Юга России: Регион. науч. журн. 2006. № 2. С. 174.

глухо к проблемам построения в России гражданского общества, вызывая с подачи «контролеров коммуникации» (по П. Брассу) – историков, этнологов и пр., в поисках «возрождения России» – к голосу крови, этническому примордиализму, а не к насущным потребностям построения гражданского общества и российской гражданской нации¹⁰.

«Учиться и учить отчий край любить...» – под таким заголовком одна из ведущих газет Краснодарского края опубликовала материал о краевом совещании научно-педагогической общественности, состоявшемся в Краснодаре под председательством губернатора А.Н. Ткачева 24 августа 2006 года. Примечательно, что перед началом совещания Глава Администрации «взмахом казачьей сабли» перерезал веревку, на которой крепилось полотно, скрывавшее картину известного кубанского художника Г.Т. Квашуры «Переселение запорожцев на Кубань»¹¹. Отныне этот монументальный холст будет украшать стены краевого Театра драмы, где в тот же день впервые была исполнена новая песня В.Г. Захарченко «Вечный наш Екатеринодар». Данное событие совпало во времени со все более набирающей на Кубани обороты кампанией по переименованию «столицы» края в Екатеринодар. Страницы многих краевых и городских изданий стали наполняться комментариями не только специалистов, но и рядовых читателей, взывающих к исторической памяти, правде и справедливости.

Звучные заголовки газет («По закону справедливости», «Нам перед потомками не краснеть», «Люди простят. История – никогда...») обрушились на головы читающих жителей Кубани, которым упорно внушается мысль об определяюще благотворном влиянии казачьей колонизации (конец XVIII – XIX в.) на развитие «Кубани», само понятие которой было известно ее жителям, а также подданным московских царей за много веков до появления в

¹⁰ См.: Тезисы по российской национальной политике. М.: Ин-т полит. и воен. анализа. 2004. С. 14–15.

¹¹ См.: Учиться и учить отчий край любить // Кубанские новости. 2006. № 128 (25 авг.). С. 1, 3.

регионе казаков-черноморцев. Впрочем, многим жителям Кубани даже невдомек, что первые казаки массово заселяют Кубань еще в конце XVII в., будучи вытеснены с Дона именно Россией, что Кубань веками входила в состав Крымского ханства, а Екатеринодар был основан в таком гиблом месте, что массовая в нем смертность казаков обращала на себя внимание заезжих путешественников даже в XIX веке. Своеобразным апофеозом *острой* социальной интриги в новейшей истории Кубани («чья возьмет в вопросе переименования: красных или белых?») вполне можно полагать публикацию в «Кубанских новостях» материалов спиритического сеанса с духом Екатерины¹². Дух императрицы, конечно, выступил за возвращение городу исторического имени, благоразумно, впрочем, умолчав, о дате свершении этого события, столь «желанного трудящимися Кубани».

Итак – «*Папенька согласен..!*» – но все ли так спокойно на территории все более мутнеющей от погружения в трясину местного патриотизма и регионального изоляционизма «жемчужины России», где писание национальных историй приобретает все более крайние этноцентрические формы? Несомненно, что новейшая история Кубани преподносит далеко не самые лучшие образцы обретения «регионального варианта» национальной истории, впрочем, находящих все более масштабное признание в общественном сознании. Местные элиты, тонко чувствуя «конъюнктуру» меняющегося градуса ксенофобии, мигрантофобии и неприятия населением многих решений федерального Центра, играют на настроениях рядовых жителей Кубани, для большинства которых более актуален вопрос о продаже «Москве» земель сельхозназначения, нежели о законности изъятия графы «против всех» из избирательных бюллетеней.

Следует признать, что на Кубани сложилась статичная, выхолощенная картина исторического прошлого, которое становится известно массовому читателю, преломляясь в зеркале лишь одного знакового события – переселения в регион казаков-черноморцев в

¹² Викулова Я. Разговор по душам с душой императрицей // Кубанские новости. 2006. № 121 (12 авг.). С. 15.

конце XVIII века. Очевидно, что вослед неудавшимся заклинаниям о светлом будущем зазвучали «медные трубы» о славном прошлом, к лучшим образцам которого призывают нас вернуться даже в начале XXI в., казалось бы, эпоху постиндустриального развития. Оказывается, например, что для «возрождения» даже той малой процентной группы, что объявила себя по Переписи 2002 г. казаками, надо взять за основу «казачью семью как основу будущего казачьего социума, быт, язык, православную веру... традиции, мораль, самосознание»¹³. Впрочем, рассуждая строго формально, память о Золотом веке и «коллективное присвоение древности... играют большую роль в формировании наций. Чем более славным и величественным выглядит... прошлое, тем проще сплотить людей вокруг их прошлой культуры, объединить их различные группы и определить общую национальную идентичность»¹⁴.

Но вот что примечательно – общая память оказывается не нужна «русским областям» Северного Кавказа, казалось бы, вновь ставшим форпостами именно Российского государства в том регионе, куда Русь-Россия пробивалась, оказывается, более 60 % отпущенного пока ей времени на шкале своей писаной истории. Секрет здесь прост: для многих создателей и «пользователей» таких этногенетических мифов «современная Россия, Российская Федерация как реальность не существует и не представляет интереса. Для них всех категорически неприемлема новая историческая общность, складывающаяся в массовом историческом сознании наших сограждан. Эта общность – российская гражданская политическая нация»¹⁵. И действительно – в деле *общего* построения такой нации общим является «котел предпочтений», имя которому – «права и свободы

¹³ Перенижко К.Я. Эволюция организационно-правовых форм Кубанского казачьего войска на современном этапе // Власть и общество в России: опыт истории и современность, 1906–2006 гг. (к 100-летию российского парламентаризма): Материалы науч.-практ. конф. (г. Адлер, 26–30 мая 2006 г.). Краснодар, 2006. С. 233.

¹⁴ Цит по: Шнирельман В.А. Быть аланами... С. 30–31.

¹⁵ Маркедонов С.М. Апология российской идеи, или Как нам сохранить Россию // Тезисы по российской национальной политике. М., 2004. С. 5.

человека и гражданина» (Глава 2 Конституции РФ), а это весьма нежелательно как для местных элит, так и для многих интеллектуалов, сервильный статус которых нуждается, впрочем, в отдельном изучении. Речь идет о такой ситуации, при которой все более сужается дистанция между ремеслом историка и современным политическим дискурсом, когда, по верному замечанию А.И. Миллера, «многие историки не находят адекватных форм для выражения своей гражданской ангажированности»¹⁶.

Более того – налицо прямое участие ряда ученых в расширении далеко не символического поля «войн памяти»: один краснодарский историк, ссылаясь на материалы устной истории казаков Кубани, пишет о невозможности совместного проживания *в настоящее время* казаков и турок-мехетинцев¹⁷; другой специалист, ссылаясь на авторитет первого, пишет о глубоких социокультурных различиях турок-мехетинцев и местного населения (что оказывается, можно рассматривать сквозь призму многовекового противостояния России и Турции), заодно наотмашь ударив «правдой» и по армянам-мигрантам: «...скрытая конфронтация различных социокультурных типов (вот он, заговор! – Д. С.), к которым принадлежат славяне и армяне... может привести к открытому противостоянию»¹⁸.

Возвращаясь к проблеме поисков (и, увы, «обретения») местного (применительно к историописанию на Северо-Западном Кавказе, в том числе Кубани) «русско-российского» Золотого века, следует подчеркнуть, что актуализация таких конструктивистских усилий рубежа 1980-х – 1990-х гг. определялась несколькими обстоятельствами, в том числе процессами так называемого «возрождения казачества», все более приобретающего политическую окраску. *С большим сожалением следует признать, что кубанское казачество, по сути, объявлено началом региональной истории.* Неда-

¹⁶ Миллер А.И. Указ. соч. С. 26.

¹⁷ См.: Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С. 19–31.

¹⁸ См.: Ракачев В.Н. Толерантность и комплиментарность в межэтнических отношениях (на примере Краснодарского края) // Толерантность и поликультурное общество: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2003. С. 98, 99, 101.

ром в уставе Краснодарского края (1997 г.) мы находим: «Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края. Это обстоятельство учитывается при формировании и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления»¹⁹. Правда, в современной редакции категоричность данного пункта существенно «смягчена» и указанное обстоятельство уже можно не «учитывать» – формулировка об этом исключена²⁰. Важнее и тревожнее другое – такие формулировки не могла быть вызваны к жизни без символического участия региональных исторических нарративов в обслуживании современных политических интересов власти. Соответственно, необходимо согласиться со следующим замечанием А.И. Миллера: «Убеждение в том, что национальный миф остается легитимной парадигмой писания истории, доминирует сегодня во всех постсоветских странах»²¹, признав при этом – региональный подход, зачастую приводящий к этнизации местной истории, становится все менее научно состоятельным на фоне возрастающей политической значимости национализма и регионализма²².

Итак, Золотой век, казалось бы, найден – это рубеж XVIII–XIX вв., время якобы первого основательного знакомства казаков с землями Северо-Восточного Причерноморья («Кубани»). Примечательно, что тезис об освоении этими «первыми» казаками «Кубани» как *новом Начале* в истории региона присутствует не только в научной, научно-популярной литературе, но также в массовом дискурсе или, по терминологии А. Ливенсона, принципиально бесписьменном современном «фолк-дискурсе»²³.

¹⁹ Устав (Основной Закон) Краснодарского края: Информ. бюл. (спец. вып.) Законодательного собрания Краснодарского края. Краснодар, 1997. С. 3.

²⁰ Устав Краснодарского края (с изменениями от 5 сент. 1994 г., 5 июня и 19 сент. 1996 г., 18 июля 1997 г., 4 янв., 10 мая, 7 и 22 авг. 2001 г., 1 марта 2002 г., 3 июня и 20 окт. 2003 г., 7 июня 2004 г.): Офиц. текст. Краснодар, 2005. С. 3.

²¹ Миллер А.И. Указ. соч. С. 21.

²² Там же. С. 26.

²³ Ливенсон А. Указ. соч. С. 286.

Тема казачества приобрела настолько гипертрофированное значение в «региональной историографии» («кубанском аналоге» национальных историографий нынешнего постсоветского пространства), что местная историческая проблематика оказалась зажата в «прокрустово ложе» немногим более чем двухвекового пребывания Кубани в составе Российского государства. При этом многие явления, типологически «преодолевающие» вверх по шкале времен черту «пресловутого 1792 г.», сознательно объявляются *не имеющими* генетической связи с подобного рода явлениями, но появившимися в местной истории (на «Кубанской земле») *после* переселения в регион казаков-черноморцев. Например, речь идет о роли и месте двух, как минимум, институтов в местной истории: а) казачества и б) Русской Православной Церкви²⁴. Очевидно, что оба феномена (даже применительно к событиям Нового времени) имеют гораздо больше следов в прошлом Кубани, чем это усиленно пропагандируется и популяризируется. Но поскольку эта «другая история» не укладывается в обоснование наступления Золотого века (не тот «этнический колер»!), то глухое неприятие почти всей такого рода «неистинной» (до конца XVIII в.!), проблематики (вкуче с «черкесскими» сюжетами), случившейся *до конца XVIII в.*, составляет часть современного регионального научного дискурса.

²⁴ См.: Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38; Мининков - Н.А. К истории раскола Русской Православной Церкви (малоизвестный эпизод из прошлого донского казачества) // За строкой учебника истории: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 1995. С. 26–46; Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. 2-е изд., испр. и доп.; Он же. «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина: Рос. ист. иллюстр. журн. 2004. № 5. С. 73–76; Он же. «Воссияло светом древлего благочестия... Крымское ханство» (к вопросу об условиях и особенностях распространения православия на Дону и Северо-Западном Кавказе в Новое время) // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России (г. Астрахань, 8–9 июля 2006 г.). Астрахань, 2006. С. 201–208; Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63–77.

В самом деле – не в «хищных» же ногайцах, «закубанских хищниках – черкесах» и «изменниках-некрасовцах» искать «патриотам-регионоведам» мужественных и честных «предков», которых, естественно, гораздо легче найти в казаках-черноморцах – *основателях Кубани* (надпись о чем на камне, «предшественнике» нынешнего памятника кубанскому казачеству в г. Краснодаре, удивляла, кажется, не только автора этих строк)! С казаками, оказывается, в последней двухсотлетней истории края связано все или почти все – формирование «современного» этнического облика края, распространение православия и свершение иных культурных деяний, начиная с не выдерживающего критики (в свете новейших изысканий Б.Е. Фролова ²⁵) тезиса о том, что представители Войска Черноморского получили искомые земли на «Кубани» в результате сложнейших дипломатических маневров! Итог таким и подобного рода рассуждениям – выводы об исконной якобы преданности казаков российским интересам, имперским идеалам, о патриотизме казаков. При этом нередко выстраивается своеобразный ложный «силлогизм»: православные казаки – противники мусульманского мира – сторонники России/проводники российской политики. Кроме явной дискуссионности такого рода положений, отметим следующее: существенно обедненным предстает в таком случае *концептуальное* наполнение истории Дона, Кавказа, Причерноморья, включая, например, историю Кубани с определяющим на нее влиянием правящего в Крымском ханстве Дома Гиреев и крымской знати, государства, являвшегося до 1772 г. вассалом Османской империи.

Особенно настораживает тот факт, что такое историописание сопровождает школьное историческое образование местной молодежи ²⁶. Концепт «нашей казачьей Кубани» вполне «естественно» оказывается в настоящее время в роли своеобразного исторического фундамента исторического сознания школьников: «В последнее время

²⁵ См.: Фролов Б.Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. Краснодар, 2005. (Сер. «Historia Caucasica»; Вып. 4). С. 7–13.

²⁶ Трехбратов Б.А., Бодяев Ю.М. История Кубани (конец XVIII – XIX в.): Учеб. для 8-х кл. общеобразовательных учреждений. Краснодар, 2005. С. 4.

растет интерес жителей Кубани к истории родного края. Возрождаются былые традиции. На уроках кубановедения школьники старательно учат имена атаманов, прославивших Кубань»²⁷. Кубановедение – отдельная строка забот администрации края о подрастающем поколении. Этот предмет сопровождает молодого человека на самых ранних этапах овладения им «нашим непредсказуемым прошлым», причем отметки ставятся в... «дневник кубанского школьника». Стоит ли после этого удивляться тому, что на обороте обложки одного из новейших пособий по истории Кубани для учеников младших классов мы находим потрясающей «глубины» слоган: «Наша Родина Кубань»²⁸. Более того – в крае ведется работа по составлению... «Азбуки Кубани»²⁹, а среди вопросов одного из краевых конкурсов по кубановедению можно было найти вопросы о «национальном кубанском животном» и «национальном кубанском дереве». Как писала в свое время газета «Новые известия», «...если новый предмет не скончается скоростижно после краевых выборов, появление желанного губернатором кубаноида не за горами. Школьные годы, как поется в советской народной песне, быстро летят»³⁰.

Впрочем, происходящее в школе является лишь малой проекцией тех взрослых «игр, в которые играют люди». Здесь мы сталкиваемся с таким обилием «пароксизмов этничности» – спровоцированных, стихийных, писанных и освященных буквой местного закона, что их простое перечисление заняло бы не одну страницу. Если говорить кратко, то очевиден следующий контекст «кубаноцентричных концепций» национального историописания, пропагандируемых в Краснодарском крае: в них вполне определенно реализуется заказ новых властвующих элит, озабоченных проблемами

²⁷ Казачий пост номер один – традиция времени // Кубанские новости. 2006. № 109 (22 июля). С. 3.

²⁸ См.: Мирук М.В., Науменко Т.А. Введение в историю Кубани. Краснодар, 2005.

²⁹ Куропатченко А. Кубанскому образованию поможет антикризисное управление // Краснодарские известия. 2006. № 133 (26 авг.). С. 4.

³⁰ См.: Перов С. Букварь для кубаноида // Новые известия. 2004. 2 марта. Режим доступа: <http://www.newizv.ru/print/?id_news=4982> Дата просмотра 10.12.2004 г.

своей политической легитимации. Кроме того, эти «истории Кубани», написанные с позиций локального этноцентризма (когда «подвинутыми» в местном пантеоне оказались не только западные адыги, но даже «другие» русские, «понаехавшие» на священную казачью землю в XIX в.), успешно мобилизуются для культурно-идейного обеспечения «суверенизации» двадцать третьего субъекта РФ, а по сути – для перераспределения властно-распорядительных полномочий между федеральным и местным чиновничеством. Отсюда и забота региональных элит о легитимации «своих» герба, флага, гимна, наконец, исторического прошлого, включая переименование и восстановление различных объектов историко-культурного наследия³¹. В противном случае – как напоминать Центру о своей значимости? Впрочем, налицо оборотная сторона медали – это своеобразная «защитная» реакция региона, в котором «копятыя подспудные центробежные силы, которые проявятся, как всегда, в самый неподходящий момент», причем происходит все это в условиях меняющейся ментальности отношений между Центром и регионами, когда на территории последних возможны различные исходы развития ситуации – от вымирания до сепаратизма³².

Что касается состояния фолк-дискурса, оно определяется во многом апелляцией к казачьему прошлому истории края вот почему: поскольку для большинства людей понятия «русская история» и «история России» являются совершенно однозначными, то казаки-черноморцы, «предки» русских Кубани, *однозначно идентифицируются как носители российского государственного начала и, следовательно, как создатели традиций Кубани, «исконного» места «проживания русского народа, составляющего большинство населения края».*

³¹ См.: Созданное прадедами должно быть неприкосновенно // Вольная Кубань. 2006. № 125 (19 авг.). С. 2; Лосковцова М. Город ждет Екатерину Великую // Там же. № 127 (23 авг.). С. 3; Парад истории // Там же. № 128 (25 авг.). С. 17; Атаман ККВ Владимир Громов: «Прах Щербины должен быть перенесен на Кубань» // Краснодарские известия. 2006. № 129 (19 авг.). С. 3; Куропатченко А. Под величавой буквой «Е» // Там же. № 131 (23 авг.). С. 5.

³² Орешкин Д. РФ – идеология пространства // Новая газета. 2006. № 63 (21 авг. – 23 авг.). С. 13.

И, наконец, еще одно замечание – о символической роли этих «предков» в современной истории региона, называемого ныне Кубанью. Научная несостоятельность того подхода, при котором казаки объявлены «первопредками» современных жителей Кубани (по крайней мере – русских и украинцев) и «культурными героями» Золотого века (с определением тех тем, какие *нужно* изучать), подчеркивается следующим: 1) многие аспекты жизни казаков в регионе конца XVIII – начала XX в. некритично проецируются на нынешние реалии жизни «потомков казаков» («казачье землепользование», «казачья служба», «казачьи традиции»), и наоборот; нынешнее неказачество³³ имеет самое отдаленное и опосредованное отношение к истории Черноморского/Кубанского казачьего войска (ЧКВ/ККВ); 2) тени казачьих «предков» присутствуют в ряде современных региональных этногенетических построений, в которых, как пишет В.А. Шнирельман, «подчеркивается чистая линия, соединяющая предков с потомками»; причем не подлежит сомнению, что ценность этих «предков» определяется «их способностью легитимизировать права титульных народов на полноправное владение своими республиками»³⁴; 3) актуализация поисков на Кубани «предков-героев» (приводящая порой к безудержному восхвалению казаков, вопреки их драме, например, противостояния с иногородним элементом в XIX в.) связана еще и с тем, что Северо-Западный Кавказ вновь стал «горячей окраиной» России, где славянское население на массовом уровне пережило кризис национальной идентичности. Причем крайне важно отметить то, что проистекал этот процесс в условиях дегероизации истории России изнутри и вызова национальных историй извне³⁵, разрушая привычные представления и символы «исторической веры» русских; 4) апеллирование

³³ См.: Маркедонов С.М. Неказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ: Журн. соц.-полит. исслед. 2003. № 5 (29). С. 161–174.

³⁴ Шнирельман В.А. Быть аланами... С. 552.

³⁵ Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордогова. М., 1999. С. 300.

некоторых ученых к этничности таких «предков», которым монаршая власть вручила когда-то «бразды правления» в регионе, явно не способствует построению российской гражданской нации, а ведет лишь к развитию конфликтной ситуации даже на страницах научных трудов, где научный дискурс застыл на едва ли не на уровне одних проблем Кавказской войны и рассказывания.

Обращусь теперь вкратце к тому прошлому в истории кубанского региона конца XVIII в., о котором, повторюсь, широким народным массам известно больше по официальным версиям местного историописания. В газету, конечно, заглянуть, гораздо проще, нежели в архив, и вот, по словам уже упоминаемого художника Г.Т. Кващуры, мы находим, что наш край был в те годы «совершенно диким»³⁶. «Не было», конечно, здесь, ни цветущих черкесских садов, ни остатков христианских храмов в Закубанье, ничего... Ну как поэтому не умилиться масштабностью «мичуринского» замысла казаков-черноморцев начала XIX в., перекопавших старое русло Кубани, в результате чего часть земель Таманского острова подверглась заболочиванию, а сам остров стал приснопамятным полуостровом! Важнее, впрочем, говорить о другом: само понятие «Кубань» оказывается «непригодным» для употребления в целях освоения новых земель, о чем нигде в учебниках прочесть нельзя. Итак – «потопленная история» Кубани открывает свои страницы! Делается это для того, чтобы показать мифологическую природу многих современных утверждений о природе российского присутствия на Северо-Западном Кавказе, начиная со времен переселения сюда черноморских казаков. По справедливому замечанию А.И. Миллера, в подавляющем большинстве исследований способ воображения региона не объясняется сколько-нибудь четко и подробно, а историки убеждены, что «выбранные ими границы региона “естественны”, а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения»³⁷. Ситуация усугубляется тем,

³⁶ Нам перед потомками не краснеть // Кубанские новости. 2006. № 127 (23 авг.). С. 6.

³⁷ Миллер А.И. Указ. соч. С. 16.

что многие исследователи *искусственно* вычленяют в государстве некий регион, ретроспективно используя такие современные границы, которых раньше не существовало. Отсюда нередко заявления, что «традиционно называют Кубанью», оказывается, земли ЧКВ, а затем территорию Кубанской области и Черноморской губернии ³⁸. Между тем номинация «Кубань» оказывается образчиком такого вообразаемого пространства, которое было вызвано к жизни имперскими «войнами памяти», необходимостью управления российским царизмом новыми окраинными землями лишь во второй половине XIX в. с окончанием Кавказской войны. Необходимо сказать, что привычное нам слово «Кубань» (применительно к описанию границ именно российских владений на Кавказе начиная с *конца XVIII в.*) достаточно противоречиво входит как в бюрократический («книжный») дискурс, так и «фолк-дискурс». Несомненно, что разные поколения как местных жителей (и ученых в том числе), так и сторонних (но заинтересованных) лиц империи вкладывали разный смысл (географическое наполнение), употребляя данный термин. При этом крайне интересно, что наименование определенного региона «Кубанью» случилось *много раньше* вхождения западной части Кавказа в состав России, а затем это наименование временно *исчезло*. Во многих документах, как минимум XVIII в., мы встречаем прямое указание на обозначение земель Правобережной Кубани (входившей тогда и много раньше в состав Крымского ханства) именно как Кубани ³⁹. В конце XVIII в., по итогам Русско-турецких войн второй половины XVIII в., Крымское ханство было ликвидировано, и Манифестом 8 апреля 1783 г. империя обрела, в частности, «остров Таман и кубанскую сторону»⁴⁰. Безусловно, на протяжении веков ногайская «Кубань» ассоциировалась в сознании жителей Рос-

³⁸ Хотина Ю.В. Формирование историко-культурного наследия Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. С. 4.

³⁹ См.: Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 28. Л. 41 об.; Российский государственный архив древних актов. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 93 об.; Там же. Ф. 248. Оп. 26. Д. 466. Л. 50–50 об.; Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471. Л. 61.

⁴⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 21. С. 897.

сии с «нечистым» пространством, источником бед и страданий православного люда. *Следовательно, перед имперской властью стояла насущная задача – изменить представления о регионе, демографический облик которого был существенно трансформирован.*

Реализацию планов властей по ликвидации («стиранию» с карт) истории той, чужой, уже не существующей Кубани необходимо было сочетать с символическим присвоением Россией завоеванного пространства Крымского ханства. Например, согласно трактовке Ф.А. Щербины, оказывается, что, отталкиваясь от такой исторической точки времени, как заключение в 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мирного договора, «следовало бы поставить точку по общей истории края. С этого времени на Кубани начинается собственно русская история». *В целом совершенно очевидна роль историописателей в процессах символического «присвоения» империей пространства, например, этой части Кавказа, и его русификации. Ход и направление алгоритма рассуждений многих историописателей вполне укладывался в имперскую логику удержания в повиновении населения завоеванных территорий, тех средств, с помощью которых пространство в категориях «символической географии становилось частью русской национальной территории»⁴¹.*

Рабочая гипотеза автора заключается в следующем: инкорпорируя юридически и административно новое приграничное пространство в имперскую систему, царизм сознательно пошел на масштабное переименование «региона», поскольку «центральный топос» управления здесь своими границами Россия еще не выработала (не говоря уже о продуманности и многообразии форм процесса управления). Освоение «новых» земель нельзя было начинать, оставляя без внимания контекст «старых» (освященных традицией применения самыми разными историческими акторами) историко-географических представлений об этих землях как о «Кубани».

⁴¹ Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. М., 2004. С. 279.

В этой ситуации имперские власти невероятно гибко подошли к символическому использованию в данных целях возможностей «нового» для региона казачьего фактора. Можно согласиться с замечанием О.В. Матвеева о том, что «смена названия войска (с Запорожского на Черноморское (в вариациях). – Д. С.) – символический ритуал. Наименование... выбиралось не только ради “ушам приятного прозвания”, но и для приобретения качеств, обозначенных новым именем»⁴². А дальше, создавая новую этногенетическую историю «региона», имперская власть столкнулась с рядом проблем, в том числе вызванных событиями Персидского бунта, и наименование «верные» у ЧКВ было безжалостно отобрано. Впрочем, и в бюрократическом («книжном») дискурсе *новое* имя *нового* войска приживалось с трудом: в документах Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) мы встречаем даже такие «экзотические» варианты, как «верное Запорожское войско» и «Войско верных запорожских казаков»⁴³. Что касается номинации «Кубань», то на ее употребление было наложено табу по принципу «казнить нельзя помиловать». Земли «той» («другой», «чужой», «неистинной») Кубани были теперь объявлены территорией Фанагорийского острова «со сею землею, лежащею по правой стороне реки Кубани от устья ее до Усть-Лабинского редута...»⁴⁴. Как результат – обозначение Кубанью занятых ЧКВ земель Крымского ханства почти исчезает из употребления, хотя отдельные «бреши» использования «табуированной» номинации мы встречаем, как на картах, так и в делопроизводственной документации⁴⁵.

⁴² Матвеев О.В. Монарх в исторической картине кубанского казачества (конец XVIII – начало XX столетия) // Кубань – Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 68.

⁴³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Там же. Оп. 1. Д. 41. Л. 11.

⁴⁴ См.: ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 23. Ст. 17055.

⁴⁵ См.: Карта границы Империи между Каспийским и Черным морями: Сочинена в 1778 г. (с обозначением земель белгородских татар // ГИМ. Инв. № 60083 ГО А-5125. Гравюра 1778 г.; Орел В. Атаман Кухаренко и его друзья. Краснодар, 1994. С. 41–43.

Не доверяя вполне ЧКВ как социуму, лояльному верховной власти, царизм апеллирует пока в своих практиках выстраивания воображаемого пространства, однако, не к акту создания войска и сакрализованному пожалованию ему земель (что открывает наступление новой эры в истории «региона» и актуализацию космологической модели восприятия времени ⁴⁶), а ко временам *Боспорского царства и Тмутараканского княжества*, на что никто из ученых ранее внимания не обращал. Вероятно, в первом случае речь идет о неких символических отголосках так называемого «греческого проекта» Екатерины II, во втором – указывает на замысел властей обосновать очередное, исторически законное появление Руси-России в Северо-Восточном Причерноморье. Недаром в российском бюрократическом («книжном») дискурсе конца XVIII в. весьма быстро замелькал «Фанагорийский остров»⁴⁷, символическая география которого охватила не только земли Таманского острова как исторической части Азиатского Боспора. В результате же разделения Новороссийской губернии на три новых так называемая «Черномория» вошла в состав Таврической губернии, образовав еще Фанагорийский уезд, преобразованный затем в Тмутараканский ⁴⁸. Что касается «тмутараканских практик» именования новых владений империи на Западном Кавказе, то свою предысторию они также имеют в «веке Золотом Екатерины». Примечательно, что к находке Тмутараканского камня российские галломаны отнеслись с большим подозрением, ибо полагали, что с «его помощью Россия хочет доказать справедливость своих притязаний на эту территорию»⁴⁹. Правительство уже Алек-

⁴⁶ Успенский Б.А. История и семиотика // Успенский Б.А. Избр. тр. М., 1996. (Семиотика истории. Семиотика культуры). Т. 1. С. 31.

⁴⁷ См.: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 227. Л. 5 об.; Там же. Оп. 1. Д. 194. Л. 1 об, 2; Там же. Оп. 1. Д. 223. Л. 9, 26.

⁴⁸ Фролов Б.Е. Административно-территориальные преобразования в Черномории начала XIX в. // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 97.

⁴⁹ Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском камне // Сб. Русского исторического общества. М., 2002. № 4. С. 156.

сандра I (не достав ли при этом «из-под сукна «павловский проект»?) с вниманием отнеслось к перспективе переименования «*тутрецкой*» Тамани в Тмутаракань, но, по не известным пока причинам, такой указ не был подписан⁵⁰. Впрочем, подобного рода практики все-таки нашли определенное претворение в жизнь, поскольку из Журнала дневных заседаний Войсковой канцелярии от 5 октября 1804 г. следует: «...на основании указа Сената, состоявшегося по именному Его Императорского Величества указу минувшего октября в 8 день прошлого 1802 г. именуется здешний край Тму Тараканом»⁵¹. Впрочем, дальнейшая история показала, что империи необходимо было считаться с мнением нарождающейся местной элиты, утверждением новой региональной идентичности – «черноморские казаки» и распространением номинации «Черномория» (вероятно, от «имени» Войска) в массовом дискурсе.

И только в 1860 г. номинация «Кубань» была «реабилитирована», причем на этот раз снова речь шла об имперской выгоде, а не о пользе Черноморского войска – указом императора Александра II Черномория вместе с новозавоеванными землями на Западном Кавказе была преобразована в Кубанскую область, а само войско стало именоваться Кубанским казачьим войском. По мнению ряда исследователей, сделано это было для того, чтобы сломить замкнутость, сословную обособленность черноморцев, не отвечавшие реалиям империи времен отмены крепостного права и, что особенно важно, в целях развития «гражданственности в казачьем населении»⁵². Дальше – больше: казачество все больше изнуряло самое себя, задыхаясь в противоречиях несения военной службы и ведения сельского хозяйства. Итог, увы, был печален, но закономерен (жаль, что не поучителен для потомков этого исторически обманутого царизмом «полупривилегированного сословия»): к началу XX в. система обеспечения казаков при-

⁵⁰ Захаров В.А. Указ. соч. С. 162.

⁵¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 96. Л. 14.

⁵² Малукало А.Н. Создание Кубанского казачьего войска: военная необходимость, освоение Закубанья или... ? // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 134.

шла к глубокому кризису и вопрос о дальнейшем существовании казачества был предreshен⁵³. Недаром М.Т. Лорис-Меликов, один из виднейших сановников эпохи Александра II, писал, что «казачество... заметно утратило уже прежний характер... сторожевой цепи... России» и поэтому «нельзя не признать, что активная роль казачества уже едва ли окажется здесь необходимою, оно будет влиять скорее одним присутствием своим, вселяя в горцев нравственное убеждение в полной невозможности сдвинуть русское население с места»⁵⁴.

«Полку казачат прибыло...»: как сделать, чтобы сказка не стала былью...

Газета «Вольная Кубань» сообщила, что в августе 2006 г. казаки Ейского отдела ККВ, куда входит и Староминское казачье общество, побывали в станице Новопластуновской, в детском саду № 9 православно-казачьей направленности. Там состоялся торжественный прием детворы из казачьих семей в казачата: «взрослые подарили мальчикам шапки-кубанки, а девочкам – нательные крестики и памятные медальоны»⁵⁵. Возникает вопрос: кто и зачем сознательно затягивает будущих граждан России XXI в. в тенета «культуры недоверия», рассказывая «взрослые страшилки» о чужаках и пришельцах, топчущих «родную землю», обильно политую казачьей кровью? Думается, что предлагаемая статья частично приоткрывает тайный занавес «заговора» в отношении дальнейших перспектив пребывания Краснодарского края в составе России. Надо ли с этим бороться – конечно, постоянно помня о том, что, по словам философа М. Ильина, «драма самоопределения постоянно подстерегает Россию в будущем»⁵⁶. Эта драма закончится катастрофой в последнем акте, если не проводить, в частности, масштабную

⁵³ См.: Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. С. 176–178, 191.

⁵⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 866. Оп. 1. Д. 46. Л. 6 – 6 об.

⁵⁵ Полку казачат прибыло // Вольная Кубань. 2006. № 127 (23 авг.). С. 10.

⁵⁶ Ильин М.В. По уставу судьбы: русская идея // Полис. 1996. № 4. С. 85.

идеологическую работу, рассчитанную на годы и нацеленную «на изменение самих основ представлений о нации, этносе, их правах и взаимоотношениях. В этом плане политическая деэтнизация может рассматриваться в качестве необходимой предпосылки для урегулирования межэтнического противоборства»⁵⁷. Наконец, надо продолжить работу по написанию историй не «русских областей» Северного Кавказа не сквозь призму «государствообразующего этноса» (или «народов-автохтонов»), а писать историю населения постоянно менявшейся территории этого «плавильного котла», «языки вражды» огня под которым должны остаться в прошлом.

Вот обо всем этом и стоит помнить всем тем, кто ратует за возрождение казачества, поскольку, вызывая «дух прошлого», мы получаем подарки «ящика Пандоры»: изощреннейший образ врага, старые проблемы казачества и «исторические» основания для неуместной в XXI в. этнократии бывшей «титულიной нации». Победителями в таком случае окажутся не рядовые акторы исторического процесса, а «коррупцированные историей» национальные (региональные) элиты, следствием же – не выход русских из состояния «кризиса идентичности», а очередной всплеск в русской среде ксенофобии и культурного расизма.

Особенно интересно проследить в будущих работах наиболее вероятную, скорее всего, связь состояния коллективной памяти жителей, например, современной Кубани с истоками этого мифа, связанного, по моему мнению, теснейшим образом с областью научных практик кубанских интеллектуалов конца XVIII – начала XX в. – А.А. Головатого, Я.Г. Кухаренко, П.П. Короленко, Ф.А. Щербины и других специалистов. К примеру, П.П. Короленко обвинял в современных ему бедах казачества саранчу, «жидов» и иногородних, приток которых, по его мнению, стоило ограничить в пределы Кубанской области⁵⁸. Тот же автор писал о *дикости* края, осмотренного представителем ЧКВ М. Гуликом, всячес-

⁵⁷ Маркедонов С. Кавказ в поисках «своей земли»: этничность и конфликты в регионе // *Le Monde diplomatique*. Русское издание. 2006. № 1 (июль). С. 17.

⁵⁸ См.: Короленко П.П. Поземельный вопрос в Кубанском войске // *Казачий вестник*. 1886. № 16 (23 февр.); № 17 (27 февр.); № 18 (2 марта).

ки превознося при этом времена Екатерины II, когда «начинается кровавая борьба черноморцев с горскими народами на рубеже кубанской границы»⁵⁹. О «хищничестве» и «грязных лапах» ногайцев из Тохтамышевского аула, извлекающих сахар из его сахарницы, писал в конце XIX в. Г.И. Филипсон⁶⁰, один из атаманов ЧКВ. Термин «закубанские хищники», обозначающий в устах казаков-черноморцев их соседей – западных адыгов, становится общеупотребимым в языке местного делопроизводства уже с конца XVIII в. – достаточно бросить даже беглый взор на документы фондов № 249, 250 Государственного архива Краснодарского края. И.Д. Попка уже в начале одного из очерков известной своей книги пишет о соседстве казаков с народами «дикими, дышащими разбоем и охотнее проливающими кровь, чем пот», рассказывая об их «хищничестве»; крайне любопытно – а рядом ведется рассказ о настоящих диких зверях – «тоже» обладающих «хищными» характеристиками⁶¹.

Характерны в этом отношении сегодняшние реминисценции мифа о начале новой истории региона в связи с особой ролью Екатерины II в жизни казаков. Речь идет, в частности, об открытии в г. Краснодаре воссозданного памятника императрице (2006 г.). Публично звучали тезисы об этом памятнике как о «символе земли Кубанской», о «рождении новой истории Екатеринодара»⁶². Напротив, «удивительным», на первый взгляд, образом, тезис о дикости и варварстве народов (например, ногайцев), населявших Кубань до прихода казаков-черноморцев, также перекочевал в сегодняшний день. Например, в 2006 г. в открытой печати можно было читать: «Конечно, Кубань обязана Екатерине Великой. Что здесь было? Ногайцы, кочевые племена. А с приходом казаков появился целый народ... Как это не помнить? Не чтить?..

⁵⁹ См.: Короленко П.П. Черноморцы за Бугом. Б. м., Б. г. С. 31, 37.

⁶⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М., 1876. С. 98.

⁶¹ См.: Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерк края, общества, вооруженной силы и службы: В 2 ч. Краснодар, 1998. С. 73, 62, 80.

⁶² См.: Кубанские новости. 2006. № 137 (9 сент.); Вольная Кубань. 2006. № 137 (9 сент.).

Это наши корни, наши роды, *наша историческая память* (выделено мной. – Д. С.)⁶³.

На деконструкцию таких оснований выражения массового исторического сознания, шире – вульгаризированного понимания якобы непрерывной объективной «этнической истории» своего народа, вполне могут быть направлены консолидированные усилия интеллектуалов, озабоченных состоянием гражданского общества в России и опасно сближающимся расстоянием между «ремеслом историка» и худшими практиками сохранения страны через реализацию двусмысленного тезиса «от частного (регионального) к общему (общегосударственному)» – так часто наблюдаемых на страницах региональных исторических и околосторических сочинений. Сказанное не значит, что на смену одному мифу (мифам) придет устраивающая всех акторов сегодняшнего процесса одна версия трактовки прошлого. Скорее, в целом речь идет об опасности применения исторического знания ко всем без исключения сферам «вопрошания» истории из сегодняшнего дня. Считаю, что порой необходимо просто отказываться от проведения каких бы ни было исторических аналогий, ставя «крест историографического забвения» на таких проблемах-фантамах, как этническая принадлежность археологических культур, Кавказская война и др. Иногда, чтобы адекватно реагировать на вызовы современности, полезно деактуализировать содержание прошлых отношений сторон, отказываясь от груза «исторического предпонимания» и «голосов памяти» предков.

Ибо стенали ромеи на закате империи, что мудрые предки все сформулировали, лишив потомков творческих возможностей двигаться дальше, но было уже поздно!!!

⁶³ См.: Это наш общий праздник // Кубань сегодня. 2006. № 130 (9 сент.).

КАЗАЧЬЯ ЭТНИЧНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ¹

Современные социологи справедливо утверждают, что когда в центре идут чрезмерно затянувшиеся реформы, окраины – дичают. Можно продолжить в том же русле: когда затянувшиеся реформы сопровождаются крахом прежних идентичностей, разрушением идентичности общегосударственного уровня, окраины (регионы) начинают активный поиск собственных – региональных – идентичностей. Освободившееся пространство заполняется новыми образами, создаются новые бренды. Региональная идентичность имеет многослойную структуру. В ней выделяют политическую, экономическую, историко-культурную, этническую и прочие составляющие ². В этой статье мы попытаемся проследить, как в Волгоградской области конструируется региональная идентичность с использованием казачьей этничности, которая сама также активно конструируется. Но нам не избежать экскурса в отдаленное историческое прошлое.

Начнем с того, что коротко охарактеризуем этнокультурную специфику Волгоградской области. В контексте этнографии наш край нередко ассоциируется с образом «перекрестка культур». Под этим понятием подразумевается место пересечения различных цивилизаций, религий, этнических конгломератов. Мы в свое вре-

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Социокультурные трансформации на Дону и их отражение в исторической памяти донских казаков» (грант № 06-01-00597), а также в рамках подпрограммы «Потенциал модернизации казачества Юга России как социокультурной группы» (ЮНЦ РАН) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 127.

мя предложили образ «коридорного пространства», «синдрома Дикого Поля», уместного, впрочем, более для узкопрофессиональной среды, а не для широкого позиционирования³. Между тем в символическом плане образы «перекрестка» и «коридора» релевантны. В народной традиции и тот, и другой трактуется как необжитое пространство, зоны вне культурного поля, но в то же время – место пересечения миров, место встреч.

Территория Волгоградской области занимает обширное пространство, большая часть которого с древнейших времен была частью так называемого Каспийского коридора, по которому, начиная еще с эпохи бронзы, нескончаемыми потоками двигались волны кочевников, идущих из Азиатских степей. Позднее эта территория обозначалась на средневековых картах как «Дикое Поле». Дикое Поле было буферной зоной между степью и лесом, кочевниками и земледельцами-славянами, христианством и мусульманством. Долгое время эта зона не контролировалась ни одним из приграничных государств. Именно в такой ситуации экономического, политического и религиозного пограничья (фронттира) формировалось постоянное население региона.

Если посмотреть на этнокультурную ситуацию Каспийского коридора в исторической ретроспективе, то можно обнаружить, что здесь не происходило процессов слияния разных этносов в новое этническое образование, вообще процессов этногенеза. Здесь одна этническая волна сметала другую, остатки племен и народов «застревали» севернее (Среднее Поволжье) и южнее (Северный Кавказ). Севернее и южнее образовывались и новые этносы, и новые культурные центры (Итиль и Булгар, Казань и Астрахань). Хорошо известно, что чем коридор уже, тем сильнее в нем сквозит. Удержатся на сквоззяке Дикого Поля было непросто. Но край все-таки заселялся. Это была зона вторичной колонизации. И славяне, и калмыки, и татары, и немцы – пришлые для этой территории. Справедливо будет

³ См.: Рыблова М.А. «Дикое Поле»: культура границы в современных реалиях и этнографической ретроспективе // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Волгоград, 2003. С. 145–155.

сказать, что среди народов, населяющих территорию современной Волгоградской области, нет ни одного «коренного». Впрочем, сразу встает вопрос о донском казачестве, сложный и противоречивый этногенез которого происходил именно здесь в XV–XVII веках. Именно казачество в настоящее время и высказывает претензии на эту территорию как на этническую родину.

Процесс конструирования этничности донских казаков происходит на наших глазах и достоин самого пристального внимания и изучения. У одних наблюдателей этот процесс вызывает настороженность, вполне понятные опасения; у других – восторг; многие исследователи сами стали активными участниками этого конструирования. Но это тема для специального исследования.

Чтобы наши слова о позиционировании Волгоградской области как «казачьего края» не показались голословными, приведем несколько примеров. На гастроли в Волгоград осенью 2007 г. года приехал Юрий Башмет. На вокзале от лица города его встречали одетые в «национальные» костюмы казаки и казачки. Поднесли рюмочку, спели знаменитую казачью здравницу – «Чарочку».

В декабре того же года вышла в свет «Энциклопедия Волгоградской области». Для «этнографического» раздела была подготовлена серия статей, в которых отражалась идея «поликультурализма», свойственного нашему региону. В равной степени в этих статьях были представлены русские, украинцы, поволжские немцы, донские казаки, казахи-букеевцы, татары. Однако в вышедшем в свет издании пропорции оказались смещенными: этнографии русских Волгоградской области посвящено три статьи ⁴, поволжских немцев – семь, украинцев – три, татар – четыре, казахов – четыре, донских казаков – двадцать. Вне зависимости от намерений редакторов, у человека, полиставшего Энциклопедию, сложится впечатление, что Волгоградская область – казачий край.

Областной Комитет по делам национальностей и казачества при Администрации Волгоградской области в 2007 г. выступил с

⁴ Мы не берем в расчет статьи, посвященные народным промыслам, как правило, связанным одновременно с разными этническими группами.

инициативой внести поправку в Устав Волгоградской области. Было предложено включить в Устав статью, признающую область территорией традиционного проживания казаков. Впрочем, областная Дума эту инициативу отклонила, сославшись как раз на свойственную нашей области ситуацию поликультурализма. При самом Комитете по делам национальностей и казачества работают два Консультативных совета: по делам национальностей (имеются в виду этносы, этнические группы и диаспоры Волгоградской области) и – по делам казачества. Объяснить создание *специального* комитета, ведающего делами казачества, тем обстоятельством, что местная власть не признает за донским казачеством статуса этнической группы, не получится – дело обстоит наоборот. В данном случае речь должна идти об особом (приоритетном) внимании, которое уделяется Комитетом именно этой этнической группе.

Мы уже отмечали выше, что обращение в поисках региональной идентичности к этническим образам – явление, широко распространенное, во многом оправданное, во всяком случае – понятное (в условиях общенациональных недоработок). Есть объективные предпосылки использования именно казачьей этничности для презентации нашего края. Казачья традиция – одна из самых ранних в крае (из числа ныне существующих); весьма самобытная, в отличие от русской нижеволжской (пестрой, имеющей множество локальных форм). К тому же казачья идентичность, позволяя выделить культурную специфику региона, в то же время дает возможность позиционировать ее как часть общерусской традиции. Однако в данном случае закономерно возникает несколько вопросов. Что скрывается за «казачьей идентичностью»? Насколько она этническая? К каким социальным последствиям может привести ее использование? Таким образом, возник ряд проблем, нередко ставящих в тупик и лидеров казачьего движения, и законодателей, и научное сообщество. Обозначим только некоторые из них:

- Лидеры и активисты казачьего движения позиционируют себя то в качестве народа, то требуют закрепления за казаками особых привилегий (корпоративных, как правило, совпадающих с прежними, сословными). Смещение принципов

этничности и сословности наблюдается на всех этапах казачьего движения.

- Непоследовательностью страдают и инициативы властей всех уровней. Похоже, власти также не могут окончательно определиться в вопросе о сущности современного казачества, а значит, и о его месте в общероссийском сообществе. Здесь разброс – от Закона РФ 1991 г., включившего казаков в число репрессированных и подлежащих реабилитации народов, – до создания казачьих обществ, в которые могут записываться все желающие взять на себя обязательства по несению государственной службы. Сначала законодатели дают мощный толчок развитию казачьей этничности, а затем пытаются направить его развитие в русло подконтрольного социального образования.
- Нет определенной и общепризнанной позиции и у исследователей-казачеведов. Здесь разброс тот же: от тех, кто отказывает казакам в этничности, считая их только «временно ожившим сословием», которому нет места в модернизированной России, до тех, кто активно отстаивает статус и права особого казачьего народа.

Итак, поставлены вопросы: почему «казачье возрождение» столь противоречиво по своей сути, почему в нем неразделимо переплелись принципы этничности и сословности; в каком русле следует ему развиваться далее, чтобы и выжить как этническому сообществу, и вписаться в модернизационные процессы? Нам представляется, что ответы на эти вопросы нужно искать в истории формирования и развития идентичности донских казаков. Для этого нужно отойти от эволюционистских подходов и обратиться к теории социокультурных трансформаций.

Занимаясь в течение долгого времени казачьей этнографией, мы исходим в своих исследованиях из признания очевидного обстоятельства: казачество не было однажды сформировавшимся в условиях Дикого Поля этносом, в дальнейшем плавно развивавшимся наподобие биологического или социально-исторического организма. Эволюционистские трактовки этничности и этносов вообще малосостоятельны и совершенно неприемлемы для

понимания сущности донского казачества, хотя активно используются современными краеведами-казаковедами.

В своем развитии социальные и этнические группы нередко подвергаются социокультурным трансформациям, связанным с кризисными, деструктивными ситуациями. В процессе адаптации к этим ситуациям в коллективном и индивидуальном сознании людей формируются инновационные моменты, сопряженные с общими особенностями сознания человека: способностью быстро меняться в кризисных ситуациях, нередко опережая события; перерабатывать новую, обрушивающуюся на них информацию, встраивая ее в иные системы ценностей, иное мировоззрение. Социокультурные трансформации, таким образом, представляют собой активную реакцию группы на резко изменившиеся условия внешней среды и могут быть трактованы как процессы социокультурогенеза.

Социокультурные трансформации являются определяющими и для понимания культурной специфики донского казачества: контуры этничности на Дону были весьма подвижными; постоянно менялись и набор культурных признаков, и их иерархия, и сама конфигурация казачьей культуры. В этом процессе можно выделить 4 основных этапа:

1. Этап «вольных братств» (мужских военизированных сообществ).

2. «Военно-служилый» этап (формирование этносословия).

3. Этап краха сословности и трансформации этничности.

4. «Казачье возрождение» (этничность или сословность?).

1-й этап. Анализ социокультурной модели, создаваемой донскими казаками в течение ранней истории (так называемого периода вольных братств), показал, что она обладала чертами **архаической мужской военизированной организации**, которая строилась на основе принципов братства (социального равенства и системы возрастных классов), коллективной собственности, системы обычного (прецедентного) права, выборности должностных лиц, приоритета коллективистских начал над индивидуалистскими, отсутствием семейственности. Уходившие в Поле, по сути, стремились к тому, чтобы возродить здесь те идеалы и принципы, которые на родине посте-

пенно исчезали, сходили на нет. Бегство и уход в Дикое Поле были попыткой вернуться в прошлое, представлявшееся в качестве идеальной модели. Возврат к архаике был своеобразной реакцией на происходившие в метрополии социальные, экономические и политические изменения. Вместе с тем создаваемая культурная модель становилась способом преодоления и принятия и самой кризисной ситуации, и следующих за ней изменений. Иными словами, это была попытка выжить в условиях меняющегося окружающего мира, путем актуализации привычных культурных форм.

Итак, социокультурная модель раннего казачества, с одной стороны, демонстрировала явно выраженные «дикопольские» (маргинальные) и архаические черты. С другой стороны, была лишена собственно этнических характеристик. Не соглашаясь с теми, кто определяет раннее казачество как «народ» или «этническую группу» и видит на этом этапе «этничность», прерванную затем включением вольного Дона в состав Российской империи ⁵, мы определяем раннее казачество как своеобразную **социокультурную группу**.

Далее казачьи сообщества осуществляют грандиозный переход из маргинальной в статусную зону, превратившись в особое привилегированное сословие.

⁵ Особенно много сторонников того, что казачество изначально формировалось как отдельный народ, появилось в последние 20 лет среди участников так называемого «возрожденческого» казачьего движения (см., например: Сборник Национального Совета донских казаков. Ростов-н/Д, 2005. С. 86–88; Федотов А. История казачества от Рождества Христова до наших дней. Ростов-н/Д, 2003; и др.). Ростовские исследователи А.П. Скорик и В.П. Трут полагают, что донское казачество изначально складывалось как этническая общность, но процесс этногенеза был искусственно прерван включением Вольного Дона в состав Российской империи (см.: Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов-н/Д, 1995. С. 12–23.). Большой популярностью среди части исследователей пользуется теория этногенеза Л.Н. Гумилева. Применительно к казакам тогда речь идет о «казачьей пассионарности», выражаемой в особом «казачьем духе», или о «развитии пассионарного генотипа этноса казаков» (см., например: Глущенко В.В. Казачество Евразии: Зарождение, развитие, интеграция в структуре российской государственности. М., 2006. С. 78; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: Очерки истории и культуры. Ростов-н/Д, 2005. С. 53; и др.).

2-й этап. Трансформационные процессы XVIII–XIX вв. привели к сложению четко обозначенной этничности. Но складывалась казачья этничность в рамках сословности. И в этом – специфика второго этапа. К концу первой трети XIX в. завершился процесс превращения казачества в замкнутое военно-служилое сословие. Казачья вольница к этому времени была окончательно свернута (плата за возвращение в статусную зону).

По мере вхождения казачьего сообщества в социально-политические и экономические структуры Российского государства изменялся и его культурный облик. Изменения касались и экономического уклада (переход к земледелию и скотоводству), социальной и семейной сфер (закрепление сословных характеристик, складывание традиционной патриархальной семьи и общины). Превращение казачества в одно из сословий Российского государства способствовало быстрому формированию более гомогенной, чем ранее, культурной среды (единый язык, хозяйственный уклад, материальная и духовная культура). Рамки любого сословия (в отличие от этнической группы) всегда более жесткие, четко обрисованные; они определяются строгим набором прав, обязанностей и привилегий. Для периода второй половины XVIII – нач. XX в. донское казачество может быть определено как **этносословная группа**. Этничность казаков в это время развивается в жестких границах сословности. Важнейшую роль в этом процессе играло уникальное, присутствующее только военно-служилому сословию обстоятельство – наличие единой территории проживания – Области Войска Донского. Территориальный принцип формирования казачьих войск в России способствовал созданию более четких культурных границ, чем это характерно, например, для российского дворянства или купечества, расселенных дисперсно по огромной территории империи. Этничность и сословность на Дону в этот период тесно переплетаются, а этническое самосознание донских казаков фиксируется и выражается очень четко: «...*то* – казак..., а *то* – *Расея*»; «*Казаки произошли от казаков*»; «*Я не русский, я – казак*» и пр.

Община в этот период станет ядром этносословной модели казачества, соединяющим воедино черты сословности и этничнос-

ти, обеспечивающим и внутреннее функционирование модели, и внешние взаимодействия с общегосударственными структурами. Сословность же станет костяком, основой культурной специфики казачества. (Тем больнее ударит по казачеству факт отмены сословности в России в 1917 г. и все последующие катаклизмы XX века).

Хотя кризисная ситуация вызревала еще в рамках XIX в. Вернувшись из маргинальной зоны в статусную, казачество должно было теперь на себе испытывать кризисы этой статусной зоны. А, будучи привилегированным сословием, оно в то же время само становилось тем самым «пережитком», от которого стране нужно было избавляться в рамках новой модернизации. Исследователи с полным основанием говорят о том, что уже со второй половины XIX в. в стране начался процесс «естественного расказачивания». К началу XX в. многие характеристики системы казачьего управления, службы, хозяйствования постепенно переходили в разряд анахронизмов. Новая модернизация требовала отмены сословности, условного держания земли и военной службы за нее, то есть всего того, что было основой социальной составляющей сути российского казачества. Умирала система, частью которой (после долгих усилий) стало казачество, но в таком случае на гибель было обречено и само казачество, по крайней мере в том виде, в каком оно существовало как группа в XIX веке. Это была бы вполне «естественная смерть», предполагавшая отмирание сословности и дальнейшее развитие этничности, совершавшееся на фоне окончательного утверждения на Дону буржуазных политических и экономических институтов. Но бурные и страшные события начала XX в. сдвинули естественный ход истории и знаменовали начало третьего этапа социокультурных трансформаций на Дону.

3-й этап. В начале XX в. с крахом Российской империи и вхождением страны в состояние тяжелейшего и затяжного кризиса (революция, гражданская война, социалистическая модернизация) последовал также и крах прежней идентичности донских казаков. Пришедшие к власти большевики насильственно разрушили прежнюю социокультурную модель казаков, взяв курс на полное уничтожение казачества как социального явления. Важ-

нейшие события этого периода – политика расказачивания и последующая коллективизация. Стоит, впрочем, отметить, что репрессивная политика большевистского правительства по отношению к казачеству имела социальную (классовую), а не этническую направленность. Казачество уничтожалось, в первую очередь, как сословие, во вторую – как «контрреволюционная сила».

За годы советской власти была полностью уничтожена социальная (сословная) составляющая казачьей идентичности. Этническая составляющая уничтожена не была, но сильно трансформировалась. Символом казачьей идентичности советского времени стал расхожий афоризм: *«Дед был казак, отец – сын казачий, а я – хвост собачий»*. О том, что специфика казачьей культуры сохранялась до конца XX в., свидетельствуют материалы фольклорных, диалектологических и этнографических экспедиций (донской говор, фольклор, отдельные элементы материальной и духовной культуры). Но верно и то, что набор объективных признаков резко сокращался, а культурная грань между казаками и не казаками становилась все менее различимой.

4-й этап. Четвертый этап начался с момента зарождения так называемого казачьего «возрожденческого» движения, то есть почти 20 лет назад.

Развал Советского государства привел к очередному разрушению привычной модели мира, к утрате многих групповых и индивидуальных идентичностей, сложившихся в условиях социалистического строя, а значит – и к поиску новых. В этих условиях современное казачество, по сути, возрождает прежние алгоритмы организации казачьих сообществ: в движение активно вливаются не только потомки казаков, но и представители самых разных этнических и социальных групп. По мнению Л.Г. Ионина, казачество использовало организационные формы, которые, оставшись в глубинах социальной памяти, сохранялись как «зародышевые формы». Он назвал их также «свободно парящими»: «Они предлагают себя каждому, кто обеспокоен поиском идентичности»⁶. Но тогда встает

⁶ Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 250.

вопрос правильности выбора: обеспечит ли избранная форма реализацию социального интереса «неоказаков»? Совпадет ли этот групповой интерес с общим направлением общественного развития страны? И тут мы подходим к выявлению очередного парадокса в истории казачества и казачьей идентичности.

Многие наблюдатели раннего казачьего движения воспринимали его как исключительно социальное. Действительно, изначально движение было открыто для представителей разных этносов и этнических групп. Для вступления «в казаки» совсем в стиле ранних казачьих сообществ было достаточно проявить наличие некоего «казачьего духа», высказать готовность встать в строй. Требования лидеров казачьего движения сводились к возврату к таким культурным и организационным формам, которые уже давно отброшены историей (общинное землевладение, атаманское правление, суд стариков, войсковые структуры и пр.), а главное – связаны именно с сословной составляющей культурной модели прежнего казачества. И презентацию своего группового интереса «неоказаки» осуществляли (и продолжают осуществлять) с использованием таких «мужских» форм и приемов, как парады, военная форма, воинские знаки отличия и пр., что не способствует активному участию в этой презентации женщин-казачек и не дает веских оснований называть это движение собственно этническим.

Вместе с тем сами участники движения вполне осознавали себя борцами за возрождение казачьей этничности. Именно в это время (конец 1980 – начало 1990-х гг.) получил широкое распространение тест-вопрос «Народ ли донское казачество?», звучавший скорее как утверждение. Не случайно уже в ранний период движения было сформулировано требование реабилитации казачества как ранее репрессированного народа. В настоящее время идет мощный процесс конструирования казачьей этничности с использованием широких возможностей научно-популярной и художественной литературы, периодики и телевидения.

В реальности разобраться в конечных целях и задачах казачьего движения не так-то просто. На наш взгляд, фактически движение обратилось к тем «зародышевым формам», которые были свя-

заны с предшествующими этапами развития социокультурной модели казачества. Рамки казачьего движения были и остаются открытыми, как это было в период сложения первых казачьих сообществ на Дону в эпоху Средневековья. В то же время организационные формы и лозунги движения дают основание считать, что современное казачество пытается вернуть себе статус этносословной группы имперской эпохи ⁷.

И без того запутанная ситуация была осложнена законодательной и административной деятельностью федеральных и местных властей, оказавшихся не готовыми к адекватному восприятию нового явления в общественной жизни страны. Власти демонстрировали непоследовательность на уровне законодательных инициатив, во многом провоцировали амбиции лидеров казачьего возрожденческого движения.

В институализации казачьего движения важнейшую роль сыграл принятый в 1991 г. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», а также Указ Президента РФ «О мерах по реализации закона “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» 1992 года. Закон 1991 г. определил казачество как культурно-этническую общность людей, в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы, геноцида и т. д. ⁸ В Указе 1992 г. были сформулированы организационные принципы казачьего возрождения ⁹. Основой его должны были стать казачьи общества, имевшие, согласно трактовке законодателей, двойственную природу: являлись общественными организациями и в то же время могли не-

⁷ См.: Козлов А.И., Козлов А. А. «Ряженые» // Родина. 2004. № 11.

⁸ См.: Закон РСФСР от 26 апр. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 18.

⁹ См.: Указ о мерах Президента РФ по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 25.

сти военную и другую «государственную службу». Так, несмотря на предложенное определение «культурно-этнической общности», законодательно был закреплен статус казачества именно как этносословной группы.

По мнению О.В. Рвачевой, внутренняя противоречивость законодательных актов была обусловлена «сущностной неопределенностью казачества как особого явления в истории России»¹⁰. Мы бы уточнили: в тот момент она была обусловлена непониманием противоречивой сущности казачества; в дальнейшем к этому прибавится желание взять под контроль казачье движение, а возможно, и использовать его как ресурс в решении сложных геополитических проблем, прежде всего на Юге России. Но исследовательница отметила и обратную зависимость: законотворчество, связанное с проблемами казачества, стало одним из способов конструирования социальной реальности и дало новый импульс к развитию казачьего движения. Апеллируя к Закону 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», лидеры движения стали выдвигать требования политической и территориальной реабилитации казачества. В октябре 1991 г. на II Большом Круге была принята резолюция «О восстановлении незаконно упраздненного национально-государственного образования в составе РСФСР» и «О восстановлении Донской Республики»¹¹.

Государство же в дальнейшем взяло курс на то, чтобы ввести казачье движение в более жесткие правовые рамки и установить над ним контроль. С этой целью был создан государственный реестр казачьих обществ, взявших на себя обязательства по несению государственной службы. В 1995 г. вышел Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации»; в 1996 г. Указы: «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе», «Об экономических и

¹⁰ Рвачева О.В. Законодательные акты как способ конструирования социальной реальности (на примере современных проблем казачьего возрождения в Ростовской и Волгоградской областях) // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе. Ростов н/Д, 2006. С. 87.

¹¹ Там же.

иных льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы» – и Положение о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе.

В октябре 1996 г. было создано Войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское» – принципиально новая организация с функциями государственной службы. Затем начался процесс формирования станичных и хуторских казачьих обществ на территории Волгоградской и Ростовской областей. С этого времени «возрождение» донского казачества стало осуществляться путем приобщения его к государственной службе.

Совершенно очевидно, что власти пытаются превратить казачье движение в чисто социальное. Совсем недавно законодатели, определявшие казачество как этническое сообщество, теперь выводят новую (совершенно парадоксальную) формулу: «**Российское казачество – это граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ**». Это определение дано во 2-й статье Федерального Закона «О государственной службе российского казачества» 2005 года. Далее в Законе определяется понятие «казачье общество»: «...это добровольное объединение граждан Российской Федерации в форме некоммерческой организации, образованное в соответствии с федеральным законодательством, внесенное в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и члены которого в установленном порядке приняли на себя обязательства по несению государственной или иной службы»¹².

Как видно, этническая составляющая российского казачества в этом Законе проигнорирована полностью, более того, очевидна тенденция к ее дальнейшему размыванию за счет привлечения в казачьи общества всех желающих, вне зависимости от этнической принадлежности. Вместе с тем законодатели открыли путь к реализации не просто социальных, а именно сословных (корпоративных) принципов казачества, главный из которых – «государственная служ-

¹² Федеральный закон от 5 дек. 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Российская газета. 2005. 8 дек.

ба» за определенные права и привилегии. И в настоящее время федеральные и местные власти поощряют возрождение в местах традиционного проживания казачества тех организационных, культурных и административных форм, которые связаны с сословной составляющей прежнего казачества, закрепляя за казаками (а вернее, за теми, кто вступил в казачье общество) новые привилегии, тем самым, противопоставляя их другим социальным группам.

До боли знаком и сценарий, разыгрываемый государственными элитами, пытавшимися использовать вновь нарождающуюся вольницу в своих политических целях, тем более что этому очень способствовало то обстоятельство, что часть российских территорий, только что бывших внутренними, превратилась в области пограничные или граничащие с зонами вооруженных конфликтов. Используя старый, проверенный прием привлечения части казачества на свою сторону с помощью государственной службы, официальные власти пытаются нейтрализовать движение, направить его в «нужное» русло.

Какой результат дала эта политика на сегодняшний день? В определенном смысле, власти добились раскола в рядах движения: значительная часть его (представленная в основном «показанными» чиновниками всех уровней) принялась использовать откровенно административный ресурс. Основная масса рядовых участников движения разочарована: по их мнению, преданы этнические интересы донского казачества. Наиболее искушенные в политике предлагают компромисс: воспользоваться предлагаемым федеральными властями ресурсом, но использовать его для осуществления конечной цели: политической и территориальной реабилитации. Что касается «этнического большинства» (жителей казачьих хуторов и станиц), то, как показали проведенные нами летом 2007 г. пилотажные этносоциологические обследования, оно, в основной своей массе, очень далеко от политических расчетов и административных мер по «возрождению казачества»¹³.

¹³ Было опрошено 200 человек – жителей Серафимовичского р-на Волгоградской области.

Проблемы собственной этничности пока оттеснены здесь проблемами общероссийскими: экономическими и социальными. Однако ситуация может измениться, а потому нуждается в дальнейшем мониторинге.

Попробуем спрогнозировать возможные риски осуществляемой государственной властью «казачьей политики». Главная проблема заключается в том, что возрожденческое движение не перестало быть этническим. Этническая составляющая никуда не делась (сами же власти ее и спонсировали на начальном этапе). Теперь же (усилиями тех же властей) усилена социальная (корпоративная) составляющая. Национальная идея в голове и оружие в руках – это очень опасная комбинация. Совсем не обязательно, что эта опасность будет реализована, но рано или поздно общество и власти встанут перед проблемой этнической группы, наделенной особыми полномочиями в сфере государственной (военной, по преимуществу) службы¹⁴. И это вне зависимости от того, в какую сторону будет обращено оружие, так как казачий Дон давно уже перестал быть пограничной территорией Российского государства, а государство это взяло курс на построение гражданского общества, в котором равными правами должны обладать и отдельные граждане, и этнические группы.

Если же оценить положение современного казачества в свете теории социокультурных трансформаций, то придется констатировать, что в XXI в. в условиях кризиса и затяжных реформ вновь осуществляется возврат к старым, привычным культурным и организационным формам, основанным на принципах корпоративности, общинности. Усиление «инстинкта прошлого» в кризисных условиях, очевидно, явление универсальное. Оно может проявляться и в «воз-

¹⁴ В декабре 2007 г. Волгоградская областная Администрация приняла решение о финансировании из средств областного бюджета с февраля 2008 г. 500 казачьих дружинников. На местах члены казачьих обществ во время этносоциологических исследований летом 2007 г. высказывали нам сожаления по поводу того, что пока что у дружинников нет права на ношение оружия. Как сейчас будет решаться этот вопрос, трудно предсказать, но несколько лет назад донское казачество уже выступало с инициативой разрешить им законодательно ношение оружия (как якобы непреложную часть традиционного казачьего костюма).

рождении этничности», и в возврате к архаичным социальным организациям. Специфика современного донского казачества заключается в том, что оно пытается реализовать этническое посредством возврата к устаревшим социальным формам. Но для выполнения этой программы нужно вернуть прежнюю Россию – с сословным строем, общинным землевладением и условным держанием земли. Проект перестройки всей России по типу казачьей вольницы уже пытались осуществить в свое время казачьи бунтари Разин и Пугачев. Помешала им не только российская власть, но и тогдашняя казачья элита, взявшая курс на инкорпорирование в социальную и политическую структуру Российского государства. Мы уже видели, как вольница была, в конечном счете, поглощена государством. Прибирает к рукам «казачье возрождение» и нынешнее Российское государство. При всей противоречивости и непоследовательности государственной политики в отношении казачества стоит отметить и ее явный успех: лидеры казачьего движения в настоящее время отходят от крайних националистических позиций (провозглашение себя особым народом, требование независимого Дона и пр.) и предпочитают позиционировать казаков как «неотъемлемую часть русского народа», верных слуг отечества. (Как к исконным патриотам и защитникам интересов России апеллируют к современному казачеству и государственные власти, вновь широко используя казачий бренд).

Еще недавно требовавшие признания за казаками статуса отдельного народа, приветствовавшие Закон 1991 г., теперь лидеры движения гораздо более рады за фактическое закрепление статуса сословия, не оставляя, впрочем, надежд на возрождение в перспективе области Войска Донского. В настоящее время лидеры движения не желают ставить «казачий народ» на одну доску с также репрессированными «народами кавказскими». Они очень четко от них отмежевываются и предлагают уже иную тактику движения, цель которой – сыграть на «кавказском факторе». Так, автор статьи в журнале «Кзаки» (Орган Организации «Центральное казачье войско») разъясняет собратьям необходимость бороться за статус «особого сословия русского народа»: «...формулирование задачи достижения особых прав казаками как особого на-

рода есть задача неосуществимая. Ни одному народу в стране никаких особых прав не будет даровано уже потому, что это противоречит Конституции... Иное дело – выделение особого слоя населения страны, который несет определенную службу и имеет за это определенные льготы»¹⁵.

Как видим, власти достигли определенных успехов в переориентации казачьего движения с этнических приоритетов на социальные. Однако крен в эту сторону чреват не менее серьезными последствиями. Представляется чрезвычайно важным, чтобы, предотвращая появление в Предкавказье еще одного «особого народа» с собственной государственностью, власти не создали здесь особой этнокорпорации служилых казаков, организованных по принципу военизированных сообществ. Необходимо также помнить, что насильственное разрушение культурной модели казачества произошло тогда, когда оно пребывало в статусе этносословной группы. В таком случае в нынешних условиях и спонсирование социальной составляющей современного казачества с неизбежностью будет работать на возрождение его этничности, то есть на воссоздание если не этносословия, то, всяком случае, этнокорпорации.

Некоторые исследователи-казаковеды уже озвучили идею превращения казачьего Дона (то есть части Ростовской и Волгоградской областей) в буферную зону, которая отделит «мирную» православную Центральную Россию от «воинственного» мусульманского Северного Кавказа¹⁶. Реализация этого проекта будет способствовать закреплению за Южным регионом статуса пограничной (буферной) зоны, какой она была в XVI–XVII веках.

Очень хотелось бы надеяться на то, что «инстинкт прошлого» и откат в архаику части реформируемого сообщества все-таки не приведет к откату назад всего сообщества. Зная опыт прошло-

¹⁵ Ястребов Я. Казачество России в XXI в.: Защита Отечества или «кружок по интересам»? // Казаки. 2006. № 4–5. С. 24.

¹⁶ Эти мысли были озвучены в ходе заседания круглого стола «Модернизационный потенциал казачества как социокультурной группы», проходившего в рамках конференции «Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности» 27–28 апр. 2007 г. в г. Урюпинске.

го, понимая сложность и неоднозначность развития социокультурных и этнических процессов, понимая значительную роль в этих процессах различного рода конструкций, можно и нужно прогнозировать возможные варианты развития и управления этими процессами. Главное, чтобы при этом учитывались интересы и законные права всех граждан вне зависимости от их этнической и социальной принадлежности.

Ели же говорить о реальных проблемах не казачьего движения, а всего донского казачества как этнической группы, то они могут решаться только путем этнического самоопределения самих казаков. Здесь мы совершенно согласны с оценкой, данной А.И. и А.А. Козловыми: «Остаться казаками или слиться с русским народом? Сохранять и развивать свою самобытную культуру или ассимилироваться? – на эти вопросы ответят они сами»¹⁷. Главная задача и законодателей и всего общества – обеспечивать право свободного самоопределения в этих вопросах любой этнической группе.

Что касается «казачьего бренда» в конструировании идентичности Волгоградской области, то настораживает использование не столько этнической, сколько корпоративно-сословной его составляющей. Закрепляется это и в визуальных образах. Создается образ не просто «казачьего края», а края казаков-воинов, служащих Отечеству. О том, что это право конституционно закреплено за всеми гражданами РФ, вне зависимости от этнической принадлежности, забывают и местные власти, и федеральные. Это право настойчиво провозглашается как приоритетное право казаков. На смену образа интернационального города-героя, города-воина эпохи социализма приходит образ края казака-воина. Воинственная символика нам действительно привычна. Но насколько она перспективна в нынешних условиях? Куда это отбросит и наш регион, и страну в целом – понять нетрудно. Этот образ вряд ли будет способствовать примирению и культурной консолидации в рамках ЮФО и всей страны.

¹⁷ Козлов А.И., Козлов А.А. Указ. соч.

В связи со всем сказанным, более перспективным и позитивным нам представляется образ «перекрестка», называемого еще в народе «крестом». На Иловлинском «кресту» (месте пересечения Московской трассы с местной магистралью) торгуют пирожками, медом и соленьями жители близлежащих казачьих и русских хуторов, здесь же держат торговые точки выходцы с Кавказа (шашлык, хачапури), и здесь останавливаются следующие транзитом автобусы и машины, движущиеся из самых разных точек страны. Едят, отдыхают, пьют пиво, закусывают пирожками и шашлыками (кому что нравится). И мы целиком за то, чтобы на Иловлинском «кресту» можно было отведать блюда донской казачьей кухни, послушать казачьи песни, но очень не хотелось бы, чтобы там стоял казачий патруль, сортирующий обитателей «креста» на своих и чужих.

**О СООТНОШЕНИИ
РОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ КРАЕВ
И ОБЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(на материалах истории Ростовской области
и донского казачества)**

В условиях полиэтнического, поликонфессионального и многорегионального Российского государства актуализация региональной идентичности является сложной и весьма острой проблемой. Это связано не только с известной дихотомией «Центр – Регионы», но и с вопросами обеспечения целостности федеративного государства, его противодействия сепаратизму и национализму. Опасность этнонационализма прослеживается даже в тех регионах, где до недавнего времени этот вопрос вообще не стоял. В частности, речь идет о Ростовской и Волгоградской областях, где движение за возрождение казачества обретает черты этнического и даже сословного характера. В целом надо иметь в виду, что история Донского края в XX в., и особенно на современном этапе, – это отнюдь не история только казачества. Историю донского казачества надо изучать и ценить, но не следует историю всей Ростовской области рассматривать в ракурсе истории казачества – одной составной части многообразного исторического процесса в регионе.

В докладе известного исследователя В.А. Шнирельмана, главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН, обращено внимание на новые этнические мифы, которые позволяют формировать ложную или некорректную этническую идентичность. Одним из таких мифов является представление о современном казачестве как особом этносе, который подвергался в прошлом геноцидальному преследованию со стороны большевиков, затем героически боролся со сталинизмом на стороне гитлеровского вермахта, наконец, на современном этапе должен по-

лучить право на государственную службу с получением преференций и привилегий. Этот миф заслуживает специального анализа, который мы попытаемся осуществить на основе выступлений отдельных идеологов донского казачества и учебных пособий, выпущенных для кадетских казачьих корпусов. Авторы таких пособий стремились «увязать общую историю казачества с развитием культуры, традиций и обычаев народной казачьей жизни», с тем чтобы учащиеся, помимо усвоения материала, могли «освоить идеологию казачества, основанную на чести служения Вере, Отечеству и казачеству и определить, таким образом, собственную позицию гражданина России. То есть, иначе говоря, речь тоже идет о соотношении казачьей и российской идентичности.

Происхождение казачества

Все идеологи казачества выражают свои суждения по вопросу времени формирования казачества как самоорганизованного сообщества по принципу «чем раньше, тем лучше». Следует сказать, что это дискуссионный и до конца не решенный в науке вопрос. В мифотворчестве активистов казачьего движения большую роль сыграли сочинения некоторых историков-казакоманов, призывавших искать начало истории казаков, как минимум, среди скифов и сарматов. Между тем в трудах профессиональных историков подчеркивается, что, судя по дошедшим источникам, донское казачество сформировалось как субэтнос в XV в. и заявило о себе как о самостоятельной военно-политической силе в 40–50-х гг. XVI века. Другая точки зрения, согласно которой казачество в этом качестве существовало значительно раньше – не только со времен Куликовской битвы, но чуть ли не в период Древней Греции и Рима, – является абсолютно бездоказательной. Этот антиисторический миф нужен для доказательства некоей особенности казачьей общности, которая изначально была неким автохтонным этносом. Право любого гражданина России в условиях демократии и плюрализма иметь любые точки зрения не подвергается сомнению, но надо иметь в виду, что исчерпывающих научных доказательств этой позиции пока нет.

Белоказачья республика – сословная диктатура?

Идеологи казачества в своих сочинениях очень осторожно и скромно описывают социальные привилегии казачества, которое стало в XVIII в. настоящим сословием, выполнявшим военно-полицейские функции. Активное участие казачества в подавлении революции 1905–1907 гг. остается вне поля зрения. Казачьи идеологи сомневаются в характеристике красновского белоказачьего государства как авторитарно-сословной системы. Но именно об этом свидетельствуют многие авторитетные издания¹. Историки прямо обращают внимание на то, что атаман Краснов обладал диктаторскими полномочиями, а ВВД было сословным государством. Собственно, об этом пишет и сам Краснов в своих «Основных Законах». Вопрос о прогерманской ориентации Донского белоказачьего государства во главе с Красновым также однозначно решен в научной литературе. Кроме того, стоит напомнить, что это стало одной из причин резко негативного отношения АИ. Деникина к Краснову. Такая политическая ориентация вполне логично объясняет долговременное сотрудничество Краснова с немцами, длительное проживание в Германии и непосредственное сотрудничество с гитлеровским вермахтом. Интересно сравнить этот выбор с позицией генерала А. Деникина, который ненавидел большевизм, но, тем не менее, отказался сотрудничать за большие деньги с фашизмом и желал победы Красной армии.

Большевистское расказачивание – геноцид?

Одним из центральных дискуссионных вопросов является вопрос об террористическом расказачивании. Идеологи казачества подчеркивают, что в эти годы произошел «геноцид казачества». Мы исходим из того факта, что в начале 1919 г. большевиками осуществлялась политика ликвидации казачества как, в основном,

¹ См.: История Дона и Северного Кавказа / Отв. ред. А.В. Венков. Нальчик, 2004. С. 14; Сергеев В.Н. Донская Республика, 1917–1918. Ростов н/Д, 2005. С. 199–200.

контрреволюционного сословия, не просто вставшего на сторону противников советской власти, но составившего основу кавалерии белогвардейских армий. О данных фактах прямо говорится в документах ЦК РКП(б) и в выступлениях лидеров большевизма. Идеологи обычно цитирует резолюцию Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. и добавляют к пункту о ликвидации казаков термин «вообще». Однако в публикациях документа это слово отсутствует². Необходимо понимать, что концепция пролетарского интернационализма и коммунистической мировой революции, которой придерживались большевики, исключала политику геноцида в принципе. Требование уничтожения казаков «вообще», то есть как народа, означало бы аннулирование всей идеологии марксизма как таковой, а поэтому не могло быть сформулировано ни Лениным, ни Сталиным, ни Свердловым. Была санкция Оргбюро на истребление контрреволюционной части казачества, о чем и говорится в данном циркуляре Оргбюро. Нелишне вспомнить, что циркуляр Оргбюро был официально дезавуирован ЦК в марте этого же года. В целом, жестокий террор периода кровавой гражданской междоусобной войны не являлся геноцидом, как не являлось проявлением геноцида Программа «Освага» Деникина, в которой предлагалось после захвата Москвы в обязательном порядке уничтожить всех депутатов Советов снизу доверху, всех членов компартии, всех командиров и комиссаров Красной армии, всех союзников большевиков и т. д. И в одном и другом случае подход к уничтожению противников был идейно-политическим, классовым, а не этническим. Ни красные, ни белые не осуществляли осознанно геноцид против русского и других народов, что и позволяет на современном этапе говорить о примирении и т. п. Если и был геноцид, то взаимный в рамках жесточайшей гражданской войны. Несмотря на это, в «казачьей» литературе популярна точка зрения о том, что террористическое раскачивание является все-

² См.: Хрестоматия по истории России, 1917–1940. М., 1995. С. 151; История России, XX в.: Материалы и документы школьников и поступающих в вузы. С., 1999. С. 152. Причем дается ссылка на архив: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 5.

таки геноцидом казачества со стороны большевиков – «сионистов-троцкистов». Идеологи настаивают на том, что в результате расказачивания погибли «миллионы и миллионы казаков», причем не только донских. Но казаков к 1917 г. было 4.5 млн чел., а донских – меньше миллиона. Если следовать этой логике, то получается, что все они погибли.

Нелишне напомнить, что в 1925 г. правящая партия реабилитировала рядовых белоказачков, прекратила политическую дискриминацию казачества, возвратила ему гражданские права в полном объеме и даже разрешила прием казаков в партию, комсомол и другие организации в рамках курса вовлечения казачества в советское строительство. Были реабилитированы рядовые белоказаки, разрешено возвращение казаков-эмигрантов на родину, созданы казачьи территориальные воинские формирования и др. Репрессии на Дону в 1930-х гг. также не носили этнического характера.

Казаки-коллорабационисты – борцы со сталинизмом?

Основная масса казачества героически проявила себя в Великой Отечественной войне, сражаясь в знаменитых казачьих гвардейских корпусах. После войны большевиками был выпущен фильм «Кубанские казаки», переиздан роман Шолохова «Тихий Дон» и т. п. – все это было просто невозможно, если бы ранее осуществлялся так называемый «геноцид казачества». Но в ряде публикаций казачьих идеологов прослеживается положительное отношение к проявлениям казачьего коллаборационизма («казачий стан», казачьи дивизии СС, преступная деятельность атаманов Краснова, Шкуро и пр.). Утверждается, что главным врагом казаков-коллорабационистов был не СССР, а сталинизм – диктаторский режим. Фашизм изображался как антибольшевизм. Такие авторы пишут об оккупированном Доне как о «территории, освобожденной от советской власти». Причем они очень «скромно» описывают карательную деятельность казачьих формирований СС – с помощью терминов «иногда» и «некоторые», между тем дело

обстояло принципиально иным образом³. В реальной действительности Германский институт европейских народов разработал теорию, согласно которой казаки – это потомки вест-готов. Они должны стать союзниками нацистов в истреблении славянского народа. Краснов даже планировал после разгрома СССР за такие заслуги перед нацистами получить возможность создать государство «Казакию», которая должна была включать территории Дона, Кубани, Терека, Урала и Оренбуржья⁴. Новые идеологи казачества поднимают на щит фигуру Краснова и даже попытались инициировать процесс государственной реабилитации фашистского атамана. Потребовалось личное вмешательство президента В.В. Путина для прекращения этого гнусного деяния. Среди ученых существует серьезное разночтение в оценках численности казаков, сотрудничавших с гитлеризмом. Нам представляются убедительными подсчеты Л. Решина⁵, который пишет, что в казачьих частях Вермахта служило 34 тыс. чел., включая 5 тыс. немцев. 5 % оставляли военнопленные которые не всегда были казаками по происхождению. Мы согласны с тем, что казаки-коллаборационисты действовали по своему выбору, но этот выбор их привел к измене всем народам России, своей Родине, которая тогда называлась – СССР.

Самоопределение современного казачества

В конце 1991 г. Союз казаков области Войска Донского выступил с инициативой восстановления Донской Республики в составе РСФСР и был поддержан VIII сессией Ростовского облсовета. Только благодаря прокурору, опротестовавшему это антиконституционное намерение, был предотвращен в перспективе ка-

³ См.: Дробзенко С.И. Под знаменем врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945 гг. М., 2005. С. 4; Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным: Крестовый поход против большевизма. М., 2005; и др.

⁴ Козлов А.И. О толковании отзвуков прошлого // Академия: Еженедельник. Ростов н/Д, 2008. 22 марта. С. 4.

⁵ См.: Решин Л. Казаки со свастикой // Родина. 1993. № 2. Похожие цифры даются и в учебнике «История Отечества, 1939–1991 г.» (М., 1992. С. 61–62).

зачий сепаратизм. Союз казаков Юга России принял сомнительное с правовой точки зрения решение о создании вооруженных формирований. Это решение было опасно, учитывая, что большинство членов казачьего движения были казаками условно, так как принадлежность к казачеству ассоциировалась для некоторой части членов движения из числа люмпенов и маргиналов в основном с возможностью самоидентифицироваться и самовыразиться. Социологические исследования показали, что социальный состав современного казачьего движения чрезвычайно неоднороден и отражает реальную социальную структуру всего общества. По мнению социологов И.А. Яковенко и В.С. Брежнева, непосредственная этносоциальная преемственность дореволюционного и современного казачества определенно отсутствовала. Новое казачество («неоказачество» – по М. Маркедонову) имеет мало общего с дореволюционным сословием, и его перспективы должны определяться в контексте развития правового государства и гражданского общества.

На этапе реформ демократическая общественность сначала поддержала казачье движение, так как оно имело ярко выраженную антикоммунистическую направленность, однако позднее стала отмечать все более рельефно проявляющиеся авторитарно-милитаристские и ксенофобские наклонности нового казачества, которое стало претендовать на контроль над мигрантами. Сведения о публичных порках провинившихся граждан в станицах вопреки Уголовному кодексу, о самочинных противозаконных захватах публичных зданий (в Ростове-на-Дону здания политического просвещения), о выступлениях казаков против «засилья инородцев» вызвали беспокойство, так как это противоречило идеалам либерализма, прежде всего свободы. Это свидетельствовало о том, что казачье движение – это явно не обычное неформальное общественное движение типа военно-исторического клуба с декоративными лампасами, нагайками, папахами и прочим антуражем, а самостоятельный специфический военно-политический фактор, явно выходящий за пределы норм гражданского общества и представляющий опасность для его развития. Однако вооруженное

свержение Верховного Совета в октябре 1993 г., и особенно «Чеченская война», с одной стороны, отвели казачью проблему в общественном мнении на второй план, с другой – стали причинами острых дискуссий среди участников казачьего движения. Началось развитие казачества как общественного политизированного военно-патриотического движения.

После насильственной ликвидации советской системы «красноказачья» идеологема окончательно уступила место «белоказачьей» системе ценностей, включая реанимированные традиционные для дореволюционного казачества элементы. Но выяснилось, что дореволюционные ценности сословного характера не отвечают требованиям современного общества в эпоху глобализма, постиндустриализма и информационной революции. Присущая казачеству категоричность мышления, идеологизированность, неприятие идеи толерантности к вынужденным мигрантам, ксенофобия не вписывались в новую господствующую либерально-демократическую парадигму, отрицающую какие-либо привилегии по национальному или феодально-сословному признакам. Казачье движение продемонстрировало российскому обществу жестко оформленные претензии на возрождение казачества – почему-то как отдельного, самостоятельного «нерусского» этноса. Руководство казачьего движения отказалось от сотрудничества с сообществом ученых-казачковедов во главе с А.И. Козловым, отрицающих, в основном, подобные, мягко говоря некорректные, утверждения.

Новое казачество – этнос или сословие?

В условиях латентной дефедерализации России в 1990-х гг. стала вновь укрепляться в общественном сознании казачества идея национально-государственного самоопределения казачества. Активизировались попытки сделать решения казачьих общественных объединений общеобязательными для жителей области – не казаков, обеспечить проведение кадровых чисток в правоохранительных структурах по казачьему и конфессиональному признаку, запрещение «сионистских объединений», якобы идеологичес-

ки и практически подготовивших пресловутый геноцид казачества в годы гражданской войны, наконец, ограничение политико-экономических прав мигрантов. К этому времени многие этнические конфликты в Ростовской области были связаны с деятельностью казачьих объединений. В Зимовниковском районе произошел конфликт между местным населением и чабанами-чеченцами. В январе – марте 1993 г. аналогичный конфликт повторился в Заветинском районе. В июне 1993 г. в Константиновском районе произошло столкновение казаков и армян. В августе 1993 г. и мае 1994 г. в Азовском районе казаки требовали выселения курдов. Наиболее конфликтогенными стали восточные районы области с наибольшим удельным весом мигрантов, главным образом из Северо-Кавказских Республик, где время от времени повторяются требования новоказачьих функционеров немедленно и окончательно решить кавказский вопрос. Шовинистический оттенок идеологии казачества оттолкнул от казачьего движения население Ростовской области, где русское население реально никем и ничем не ущемлено. Участие казачьих активистов в военных конфликтах в Боснии, Приднестровье, Абхазии также не вызвало всеобщего одобрения населения и, тем более, государства, чья внешняя политика однозначно не предусматривала этих самозванно-стихийных акций новых казаков.

Такое развитие могло привести к обострению ситуации и объективно потребовало вмешательства государства в процесс казачьего возрождения. Поэтому демократическое российское государство взяло под контроль казачье движение: в рамках политики активного сотрудничества с ним; в рамках организации элементов государственной службы дееспособной части казачьего общества. Большинство политиков новой России, которые в первой половине 1990-х гг. определяли основные приоритеты внешней и внутренней политики, отдавало себе отчет в том, что в гражданском обществе западного типа, ставшего образцом для новой России, напроочь отсутствуют движения типа казачьего. Однако было учтено, что в США успешно функционирует элемент внутренней безопасности – «национальная гвардия». Это обстоятель-

ство воодушевило новые российские власти на организацию подобного военно-полицейского образования на базе казачьего движения. Этот процесс начался с государственной регистрацией войсковых казачьих обществ в 1995 году. Но казахи атаманы усиленно провозглашали казачество «коренным этносом», требовали ввести в правовой обиход при подготовке переписи «казачью национальность». При этом они выдвигали классические сословные требования – получения казаками по принципу их принадлежности к казачеству налоговых и таможенных льгот, обеспечения особого порядка прохождения воинской службы, предоставления социально-экономических, политико-правовых привилегий. Обнаружилось непонимание того, что если казачество – народ, этнос или нация, то оно в принципе не может иметь государственных привилегий в демократическом государстве по сравнению со всеми остальными равноправными этносами. Государственную службу, согласно законодательству, могут нести все граждане России – и выделение как особой казачьей прогосударственной общности в этом плане тоже представляет собой явный нонсенс.

Вскоре выяснилось, что казачье движение, несмотря на свои «народные» претензии, не пользуется массовой поддержкой народа. Казачье движение потерпело поражение на выборах в Государственную Думу в 1993 г., что было, бесспорно, неизбежным явлением. Политический крах ждал казачье движение даже на выборах в Законодательное собрание Ростовской области в марте 1994 г., в котором его представители не получили даже одной трети мест. Обозначившийся раскол Донского казачьего движения на «общественников» и «реестровцев» подлил масла в огонь. В ноябре – декабре 1994 г. в движении оформился раскол, в результате чего появилось два войска и два атамана. В августе 1994 г. лидер общественного «ВВД» самопровозглашенный казачий генерал Н.И. Козицин даже подписал Договор с Чеченской Республикой Ичкерией, возглавляемой Д. Дудаевым, что нанесло значительный урон авторитету Донского движения, вызвало брожение внутри него и недовольство соседей (в особенности терских казачьих лидеров). Казачье движение все более теряло авторитет в народе.

Выборы в Государственную Думу в 1995 г. показали, что данная тенденция развивается еще дальше и глубже. Казачьи объединения, поддержавшие РОД (Российское общенародное движение), на Дону не получили даже 1 % голосов избирателей. На выборах губернатора Ростовской области в сентябре 1996 г. атаман Козицин поддержал секретаря обкома КПРФ Л.А. Иванченко, а реестровцы, состоящие на государственной службе, выступили, естественно, в поддержку губернатора Чуба. В этот период казаки записывали в свои ряды и Ельцина, и Черномырдина, и дочь президента Дьяченко и даже Березовского. Следует отметить, что кандидаты в губернаторы выдвигали программы по возрождению казачества, а само казачество не нашло в своих рядах дееспособного публичного политика. Потерпев закономерную неудачу во всех избирательных кампаниях, лидеры казачества стали обсуждать проблему формирования специальной Казачьей народной партии, которая должна мобилизовать силы казачества. Они сформулировали определенную программу развития современного казачества в контексте своей конечной цели – возрождения казачества как народа и военизированного сообщества, состоящего на службе государства (то есть сословия). Но выборы в Законодательное собрание Ростовской области, прошедшие 29 марта 1998 г., стали очередным подтверждением отсутствия реальных политических перспектив казачьего движения в силу недостаточного авторитета в народе (за исключением г. Новочеркаска).

Общественное казачье движение к этому времени сохранило позиции, в основном, в г. Новочеркасске и окрестностях, а основной контингент казаков стал служить в составе государственного «ВВД» с центром в Ростове-на-Дону. Альтернативность общественного и государственного казачьего движения нашла свое отражение в дискуссиях вокруг думского Закона «О казачестве». Еще в мае 1996 г., накануне президентских выборов, Л. Иванченко обратился в Совет по делам казачества при президенте России с предложением об оказании помощи в разработке Закона «О российском казачестве». В законопроекте приоритет от-

давался общественной концепции казачества. По настоянию лидеров казачества и регионов принятый Думой законопроект не был подписан главой государства. К этому времени у губернатора Ростовской области появился заместитель, который одновременно был избран атаманом «Всевеликого Войска Донского». 17 июня 1997 г. Ельцин подписал Указ «Об утверждении Устава Войскового казачьего общества “Всевеликое Войско Донское”». Этот Устав «ВВД» содержал противоречивые положения, отражающие черты как общественной (народной), так и государственной (сословной) структуры. Практика функционирования казачьего объединения показывает, что реальной помощи в решении самых актуальных проблем региона казаки оказывают явно недостаточно. Казачество не стало ни национальной гвардией в районах Северного Кавказа, ни опорой милиции в охране общественного порядка, ни в каких-либо других областях жизнедеятельности. Претензии казаков на создание новой «казачьей экономики» выглядят в условиях рыночной конкурентной хозяйственной среды некорректными. В прессе были опубликованы материалы, подтверждающие стремление «государственных» лидеров казачества в настоящее время возродить именно особый казачий этнос с привилегиями и преференциями. Появились настойчивые предложения объединить Ростовскую и Волгоградскую области в рамках области Войска Донского с центром в Новочеркасске.

Есть ли у казачества перспективы?

На наш взгляд, казачество как специфический род войск в условиях научно-технического прогресса не имеет перспектив. Казачество, выполняющее функции службы охраны общественного порядка, пограничной стражи, спецназа и т. п., не отвечает современным требованиям, что признают сами казаки. В частности, Кубанское войско внесло даже предложение замены понятия «государственная служба» понятием «казачья служба». Получается, что главное для них не выполнение качественным об-

разом государственных обязанностей, а самоорганизация на основе собственных интересов. Но если казачество не будет качественно выполнять востребованные государством обязанности, почему государство должно компенсировать их расходы и издержки? Если казачество хочет возродиться как этнос, то почему государство должно финансировать этот не естественный, в сущности, процесс – этногенез по заказу? Казачество как военно-служилая организация со своими правами и обязанностями, то есть сословие, развиваться в принципе не может, так как это требует возрождения всего сословного мира, вне которого сословия быть не может по определению. Кроме того, сословное общество не может быть гражданским, поскольку последнее предполагает правовое равенство всех, независимо от рода занятий и социального статуса. Кроме того, этническое движение, сопровождающееся настроениями национализма и ксенофобии, угрожает государственному единству России. Военизированная структура с правом ношения формы и холодного оружия не может быть нормальным субъектом гражданского общества, которое предполагает, что все его составные части придерживаются более или менее одинакового демократического устройства. Казачество в его настоящем виде и классическое гражданское общество западного типа практически несовместимы. Но, тем не менее, сейчас рано говорить об уходе казачества с общественно-политической арены, поскольку имеется определенная этносоциальная группа граждан, желающая служить государству. Пусть служит, но на общих основаниях.

В современных условиях важной задачей является не реанимация того дореволюционного казачества, которое исчезло навсегда, а формирование нового внеэтнического казачьего добровольного сообщества на основе синтеза демократических традиций самоуправления казачества и гражданского общества. Необходим отказ от партийно-политической идеологизации и развитие принципа добровольной, сугубо бескорыстной государственной службы на основе государственного патриотизма и традиционной казачьей культуры. Принципы гражданского сообщества несовмес-

тимы с идеями сословных и, тем более, этнических привилегий, создания особой казачьей экономики, искусственного навязывания всему населению Ростовской и Волгоградской областей казачьих уставов и традиций. И самое главное – казачество должно сделать выбор между своим развитием как этносоциальной общности, культурно-национальной автономии и т. п. или как патриотического сообщества граждан различных национальностей, находящихся на государственной службе во имя защиты общероссийских национальных интересов.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Идентичность, как явление концептуального порядка и инструмент анализа социокультурной ситуации, – феномен сравнительно новый. Однако в последние десятилетия наблюдается настоящий всплеск интереса к этой проблеме, которая имеет целый ряд аспектов, включая культурный, социальный, политический, этнический и экономический. Нередко концепция идентичности рассматривается в тесной связи с идеологией глобализма, в которой потенциально заложены возможности конфликта с присущим государствам, народам и регионам стремлением сохранить национально-культурную самобытность.

Глобализация оказывает все более заметное воздействие на различные области жизнедеятельности государств и развитие общественных процессов. Экспансия идеологии нелиберализма приводит к снижению роли государства как социально-политического института, а утверждающийся новый мировой порядок поддерживает и умножает слабые государства, которые должны выполнять главным образом функции «полицейского участка», то есть поддержания порядка на «вверенной территории» и охраны капитала. В обществе начинает преобладать тенденция к самодостаточности экономических процессов, в то время как социальное начало становится менее значимым.

Необратимость процесса растущей взаимозависимости мира, интеграционные тенденции, образование единого наднационального экономического, информационного и культурного пространства способствуют тому, что значительная часть социальной энергии и ресурсов переходит в единое глобальное пространство. В политической сфере информационная революция глобализирует происходящие процессы и радикально ограничивает ту власть и те возможности национальных государств, которые раньше казались непреходящими.

Следовательно, часть решений, затрагивающих вопросы социальной безопасности, изымается из ведения наций и передается национальным центрам власти. Поэтому в настоящее время лидирующей по всем показателям глобализации является финансовая элита, связанная с глобальными играми спекулятивного капитала.

Происходит трансформация алгоритма формирования пространства публичной власти и заданных культурой способов символизации политических объектов, которые, собственно, и лежат в основании организации власти в любой стране. В подобной ситуации власть и влияние начинают принадлежать тем, кто обладает «культурным» и «символическим» капиталом и способен создавать новые культурные коды, используемые для отражения реальности и выработки решений. Это означает, что осуществление современных глобалистских проектов было бы невозможно без соответствующего идеологического обоснования.

Мы являемся свидетелями того, как финансовый капитал стремится подчинить себе «символический» капитал, обеспечивая его обладателям возможность квантифицировать и конвертировать его в капиталы реальные. При этом символические различия маскируют и придают статус естественности различиям в материальных условиях. Социальное неравенство все больше транслируется через механизмы символического воспроизводства, прежде всего в системе образования и других культурных институтах.

Следствием этих процессов являются фундаментальные изменения экономических, социальных и политических структур современного общества. В социальной сфере общество становится фрагментированным, и простое большинство уже не обладает ни моральным, ни экономическим правом принятия решений, что подрывает основы присущих индустриальному миру демократических традиций. Целые социальные группы теряют свое место в иерархии культурных и социальных институтов, превращаясь в «массу», объект манипуляций.

Эти тенденции раскалывают единое гражданское общество – политическую нацию классического образца – по различным критериям.

Во-первых, по этническому: в обществе обособляются группы, отказывающиеся подчинять свой этнический «этнос» национально безликой гражданственности, противопоставляющие культурную память классическим формам политической идентичности.

Во-вторых, по региональному: формируются новые категории жителей региона, которые идентифицируют себя по историко-географическим критериям и защищают местную среду и ресурсы от «внутреннего колониализма», олицетворяемого федеральным центром и его промышленными, финансовыми ведомствами, а также крупными корпорациями.

В результате возникает реальная угроза разрушения идентичности, которое происходит на уровне социума в целом, на уровне регионов, социальных групп и отдельных личностей. Особой остротой эти проблемы отличаются на Юге России, поскольку в регионе проживают представители более ста национальностей и целого ряда конфессий. При этом уникальное этноконфессиональное многообразие сочетается с наличием потенциальных очагов напряженности, которыми являются прежде всего территориальные споры межэтнического характера. В месте с тем угроза утраты идентичности порождает и противоположную тенденцию – стремление сохранить самосознание.

Необходимо отметить, что после распада Советского Союза и краха коммунистической идеологии в 90-х гг. прошлого века в нашем обществе образовался духовный вакуум. Произошедшая резкая смена доминирующих типов общественного развития, вступившая в резонанс с ухудшением социально-экономического положения основной массы населения, привела к кризису системы символов и смыслов, которые легитимировали существующие социальные отношения.

Стремление российской власти выстроить новую систему ценностей исходя исключительно из идеи экономической выгоды и категорий рыночного предложения и спроса потерпело неудачу. Последующие попытки объединить народ вокруг какой-либо «общенациональной идеи» вряд ли можно признать успешными, и

до настоящего времени этот процесс наталкивается на серьезные трудности. Эти обстоятельства значительно актуализируют проблему региональной идентичности.

В современной ситуации ставится под сомнение статус Центра как социокультурного лидера – носителя великого цивилизационного текста, поскольку еще недавно в глазах окраин он выступал как носитель хаоса, как воплощение дестабилизирующих начал. В России между Центром (Москвой) и другими регионами ярко проявились различия не только в уровне и качестве жизни, но и в сфере систем ценностей, выражающиеся в том числе и в типах политического поведения и голосования.

В стране усиливаются антимосковские настроения, в то время как провинция все чаще пытается обрести, доказать самой себе и всем остальным свою «самость». Появилась своеобразная *«провинциальная идентичность»*: провинция считает себя настоящей, коренной Россией и нередко не оставляет за Москвой права называться Россией, русским городом.

Отсюда вытекает и стратегия дистанцирования по отношению к ней: центростремительная ориентация в культуре сменяется центробежной. В этих условиях прежняя социологическая презумпция, то есть ориентация на более развитые регионы, уже не работает.

Строго говоря, региональное самосознание не является совершенно новым явлением в российской истории. Межрегиональные различия политико-культурного характера сглаживались и подавлялись в Российской империи и СССР, стирались в результате новейших миграционных процессов, но они не были уничтожены, и в провинции всегда существовали центры культурогенеза, не всегда заметные и принимаемые во внимание Центром.

Региональные лидеры, руководители местных городских и сельских администраций во многом способствуют развитию регионального самосознания и «провинциальной идентичности». Здесь не обходится и без самовозвеличивания отдельных регионов и городов. Так, администрация г. Урюпинска Волгоградской области объявила город «столицей провинции». В целом в России

популяризируется лозунг «любимого города», к которому апеллируют представители власти в предвыборных кампаниях и при проведении своей политической и экономической программы.

Во многих регионах все большее внимание уделяется работе над имиджем территорий, задача которой – сделать регион привлекательным для инвесторов, «прогнать» на всю Россию и «вписать» образ регионального лидера в образ региона. Над этим работают специалисты, территории «раскручиваются» в региональных и центральных СМИ, выпускается разного рода рекламная литература, справочные издания, буклеты, компакт-диски и т. д. В этом плане важным подспорьем является и местное краеведение.

Однако проблема заключается в том, что культурные границы между различными русскими городами сильно размыты, и в России практически отсутствует характерный для большинства европейских государств феномен исторических (культурных) провинций – сформировавшихся много веков назад, компактных, с определенными границами, центрами, символами и ярко выраженным самосознанием. За годы советской власти культурные различия между территориями стали еще на порядок меньше, чем до революции.

В связи с этим перед краеведами ставится задача воссоздать историческое прошлое своей территории. При этом реконструкция этого исторического прошлого нередко идет рука об руку с сотворением региональных мифов: значительно удревняется возраст города, находятся «неоспоримые» доказательства присутствия в данном месте той или иной исторической или легендарной личности. Так, например, в Алексеевском районе Волгоградской области поставлен памятник Петру I, хотя достоверно известно, что он никогда не бывал в этих местах, а в г. Урюпинске планируется поставить памятник, посвященный совершенно легендарному сюжету – пленению Ермаком хана Урюпа.

К сожалению, некоторые краеведы-энтузиасты, не имеющие специального образования, оказывают «медвежью услугу» местным властям, давая повод для насмешек. Более благоприят-

ная ситуация в этом плане сложилась в г. Урюпинске, где исследования по истории края взяли на себя ученые Волгоградского государственного университета, которые систематизировали местный материал в учебном пособии «История и природа Урюпинского края» (1998).

Существует и подражательная форма региональной идентификации – когда активно используются ассоциации с известными зарубежными центрами. В частности, анекдотичный г. Урюпинск провозглашается вторым Габрово (Болгария). Однако если габровцы сами про себя придумывают анекдоты, то урюпинцам самоиронии явно не хватает.

Важную роль в становлении регионального самосознания играют и проведение местных праздников, фольклорных фестивалей, восстановление храмов, открытие новых памятников и музеев. Во многих городах Волгоградской области в последние годы торжественно отмечались юбилеи городов, Дни города, ярмарки. Особенно широко проходит Покровская ярмарка в г. Урюпинске: с построением казачьих куреней, с народными гуляниями в течение нескольких дней.

Власти проводят целенаправленную работу по строительству или восстановлению храмов и памятников, возрождению народных промыслов и фольклорных традиций, демонстрируют заботу о культурном наследии. С этой целью в г. Урюпинске был поставлен знаменитый памятник козе, привлекающий к себе не только туристов, но и местных жителей. Распространенным явлением стало чествование великих земляков, как деятелей прошлого, так и ныне живущих.

Важным индикатором регионального самосознания является и топонимика, которая постепенно включается в контекст региональной идентичности. Об этом свидетельствует появление «теплых», «патриотичных» имен регионов в названиях СМИ и общественно-политических движений, в газетных текстах и телепередачах, само употребление которых подчеркивает местный патриотизм. По сути, это еще один шаг к формированию региональной идентичности, поскольку происходит включение этих

названий в культурно-политический контекст. Чувствуя некоторую искусственность политико-административной идентификации, провинциальное сознание ищет замену официальным названиям, как бы пытаясь подчеркнуть «естественность» субъектов Федерации и их границ.

Чаще всего в качестве синонимов используются производные от названий крупных природных объектов, в нашем случае, нередко вместо названий «Урюпинский», «Алексеевский» и «Нехаевский район» звучит термин «Прихоперье».

Таким образом, региональная идентичность становится важным фактором политических и социальных процессов, протекающих в российском обществе. В стране нарастает регионализация общественного сознания, которая стимулируется процессами, происходящими как в Центре, так и в регионах, что нередко приводит к появлению новых линий социального напряжения. В этой связи важнейшая задача федеральных и региональных органов власти заключается в том, чтобы создать оптимальные условия для развития и региональной, и «общероссийской» идентичности, которые должны не противопоставляться, а гармонично дополнять друг друга.

**РЕГИОНАЛЬНАЯ АПОЛОГИЯ –
ЭТНОИСТОРИОСОФИЯ:
МИФ ВОЛШЕБНЫЙ – МИФ ПРОБЛЕМНЫЙ...**

Исключительно важна и актуальна постановка вопроса об исторических основаниях идентичности на данном научно-практическом семинаре – как в более традиционном – «краеведческом» аспекте, так и в более системном и современном – «регионалистическом». Отправными точками для рассмотрения следует считать интенсивное развитие «регионалистики» в последние десятилетия XX в. (в первую очередь, как социально-экономической – хотя и не только! – дисциплины).

Напомним, что известная «Хартия регионализма» («Community Charter for Regionalisation») Европарламента от 18 ноября 1988 г. предусматривала, помимо «гомогенности пространства» и «единства хозяйственных структур», еще и «общую историческую судьбу», а также, кроме физико-географической, «культурную, языковую и этническую» общность населения рассматриваемой территории.

В этой связи, при всех продолжающихся спорах об «этносе» и «этничности», данный фактор традиционно-культурных отличий (или же специальное нарочитое обращение к нему) играет и будет играть в обозримой перспективе весьма существенную роль. Причем, он неизбежно будет сочетаться со сложным феноменом «регионального исторического сознания» – все более значимым на планете, а в России, странах СНГ буквально испытавшим взлет и расцвет в знаменательную пору «перестройки и гласности».

При содействии (и воздействии) ставших крайне разнородными школьных и вузовских учебников, книжных и газетных публикаций, деятельности электронных СМИ «социальное, историческое знание» (как процесс и явление общественного самопоз-

нения, самообъяснения) практически неизбежно выступает и в реальной, объективированной, и в условной, знаково-символической форме. К последнему варианту следует отнести и многообразную «мифологизацию» такого знания.

Неоднократно исследовалась и снискала широкую известность социально-психологическая роль «мифа» в древнем и нынешнем обществе (сущность и ключевая семантика – К. Леви-Строс, Франция, прикладная роль для массовой информации – М. Маклюэн, Канада, тонкие, бессознательные механизмы воздействия – у обоих авторов). Отмечалось (в том числе в ходе дискуссии о «жажде беллетристики» в «Литературной газете» конца 70-х гг. XX в.) сходство мифа и романа-эпопеи (если он становится широко известен и увлекает людей – как у Ч.Т. Айтматова или Н.В. Думбадзе), а также все более популярного феномена фильма-сериала.

Принимаясь большими группами людей как данность, «миф», с его всегда очень сложной внутренней структурой, является предельно интересным объектом для изучения, острых споров и обсуждений, а также и практического (воспитательного, мобилизационного) применения. Потому как миф – зачастую вполне допустимый или даже желательный, весьма немаловажный в агитационном аспекте, – является обычно однонаправленным по заданной в нем схеме и потому проблемным, а с периода развитых государств в сегодняшнем мире – обычно еще и политизированным.

В развитом мире «мифотворчество» приобретает свое авторство (в глубокой древности, конечно, отсутствовавшее), отражает заданные интересы ощутимо и непосредственно. Социально-политический миф (в разной мере, увы, состоятельный и компетентный) становится важным пропагандистским оружием, источником лозунгов и воззваний, целеполагания в развитии.

Обращаясь вновь к осмыслению «историко-этнической» стороны общественного развития, заметим, что разногласие и противоборство интересов референтных (элитных) групп здесь нередко выражается также и в «столкновении мифов». Все сказанное тем более насущно и заслуживает внимательного рассмотрения в условиях современной России, ее регионов (В.А. Шнирельман,

В.И. Козлов, М.Н. Губогло и др.), для предельно сложного и полиэтничного Юга России (В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов и др.).

Повышение роли региональных сообществ на всей планете, рост самостоятельной активности субъектов Федерации в России показывают многообразие «ключевых концептов местных идеологий». Свою роль играет здесь и «юбилейная проблематика» (в частности, совпавшие даты 450-летия «вхождения в состав России» населения ряда субъектов-республик и основания нового города «Астрахань» как именно российского форпоста в Прикаспии и на евразийских маршрутах).

Эти хронологические рубежи, их информационная насыщенность и этноисторическая отнесенность неизбежно вызывают (и должны вызывать) споры, удачно уточняющие исходную заданность. Но как «факторы регионального единства, сплочения», в том числе межэтнического, они опасений и тревог обычно не вызывают.

Однако любой миф не просто привлекает прежний исторический материал, но способен основываться на предшествовавших идейных наработках. При этом многократная смена приоритетов и идеологическая плюрализация 80–90-х гг. XX в. показала редкостную способность возобновляемости мифов предыдущих эпох – от древнейших до государственно-имперских. Что воочию проявилось и в широком общественном сознании, и в практике властно-управленческой деятельности, и в научном обиходе.

С этой точки зрения, заслуживают немалого интереса и непредвзятого обсуждения работы молодого краснодарского ученого-историка, архивиста и музейоведа Д.В. Сеня (тоже участника данного семинара). Он сумел убедительно показать корни многих «региональных мифов» по субъектам федерального округа Юга России непосредственно в периоде раннего утверждения Российской империи в Причерноморье. И привлечение автором популярных ныне когнитивных (дискурсивных, концептуальных) методов (вместе с традиционными) представляется и интересным, и обоснованным.

Так, концептуальная завершенность и профессиональная отработанность рассматриваемых сюжетов («греко-славянский» Крым,

«казачья» Кубань) несомненна, хотя и всегда чревата нарочитой этнизацией, этногенизацией (и, насколько ясно, субэтнофикацией. – В. В.) локальной истории, когда «иноэтничные» включения и «неудобное» соседство становятся по факту «лишними» и ненужными¹.

Элемент собственного мифотворчества (притом обычно «симметричного» проявленному у соседей, но редко соотнесенному с таковым), как правило, обнаруживают в продуцируемой идеологии национально-культурные общества и движения, объединенные ими представители творческой и гуманитарной интеллигенции (кто был «древнее» и «важнее» в освоении рассматриваемого пространства). Здесь важно и полезно взаимопонимание и сотрудничество, совместное постижение представителями разных народов истории и этноистории конкретного региона, четкая и выверенная строгость в публикациях, работе с подрастающим поколением, молодежью.

Но несравненно более опасными являются мифы, специально конструируемые (возобновляемые) и поддерживаемые со стороны этноэлитных группировок или даже криминальных сообществ, причем «сталкивающиеся (сталкиваемые)» в условиях этноконфликтов. Находясь в таких «горячих» точках, приходилось только поражаться силе массовой «мифологизированной» истерии, на деле тщательно создаваемой и умело режиссированной. Нарочитые искажения исторической правды в деталях, ее масштабная фальсификация проявились здесь многократно и вполне наглядно.

Тревожным сигналом научному миру страны за минувшие почти 25 лет ее «перестроечного» и затем «постсоветского» бытия неоднократно являлось быстрое восприятие и собственное конъюнктурное истолкование, поспешное (и редко – грамотное) построений этноистории из строгих трудов ученых сразу на страницы и экраны СМИ, в митинговые призывы и резолюции. Не раз оказывались разобщенными и сами ученые – по разным сторонам барикад этноконфликтов, вплоть до самых беспощадных и кровопролитных.

¹ См.: Сень Д.В. Воображаемая география и имперский дискурс: практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. (Май – июнь). С. 156–157.

И, думается, вселяет надежду, что подобное «черное мифотворчество» уже в конце 90-х гг. стало встречать компетентные и квалифицированные возражения и протест со стороны самых опытных и знающих Юг России ученых старшего поколения, также видных общественных деятелей, прошедших серьезную жизненную школу и хорошо видящих реальную и перспективную опасность происходящего².

Нарочитое слияние местничества с этноцентризмом (принципы «отката к идеологии средневековья», «первенства и первостепенства отдельных народов над остальными», «агрессивного дилетантизма» – В.А. Кузнецов и И.М. Чеченов³) способно стать взрывоопасным в сознании и поведении людей, тем более в сложных этнокультурных условиях Юга России и тесно связанных сопредельных территорий, в том числе Кавказа и Закавказья.

Требуется тщательная «апология» в изначальном смысле этого слова (обретение, возвращение правды, истины): вычленение рациональных основ «мифической» символики и резкое отсечение всего наносного и вредоносного. Новое, сбалансированное и выдержанное постижение «истории и этноистории регионов», уяснение допустимых границ «добросовестной мифологизации», противодействие опасным деструктивным направлениям, безграмотным трактовкам и тенденциозной заданности, оправданию экстремизма и террора – вновь становятся в повестку дня ответственной науки и практики.

Крайне болезненные события, сначала обозначившиеся, затем произошедшие здесь уже после проведения Межрегионального научно-практического семинара, к концу лета 2008 г. на ближних кавказских рубежах России, служат тому предельно досадным, но зримым подтверждением.

² Об этом подробнее см.: Викторин В.М. Рец. на кн.: Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). 1-е изд. М.; Пятигорск: Ун-т коммерции, 1998. 89 с.; 2-е изд.. Владикавказ: Сев.-Осет. ИГИСИ, 2000. 111 с. // Гуманитарная мысль Юга России (ГМЮР): Регион. науч. журн. 2006. № 2 (3). Краснодар: Сев.-Кавк. НИИИиСИ, 2006. С. 170–177.

³ См.: Там же. С. 174–176.

Не раз в процессе обсуждения на прошедшем семинаре были обозначены близость и единство участников в понимании и интерпретации проблем регионального самосознания, как по сути, так и необходимости межэтнически дружелюбного и всегда обогащающего людей взаимно. Как и все многообразие проблем и аспектов, существующих здесь и неизменно возникающих вновь, остается острая потребность в постоянной подробной информации о событиях и тенденциях, обмене опытом в методике и результатах исследовательской и практической работы.

Этот серьезный и гуманистический творческий настрой можно и нужно только всячески приветствовать и поддерживать, развивая возникший «круг общения», готовясь к новым встречам по столь ответственным и животрепещущим вопросам.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОЦЕССЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Начало XXI в. характеризуется активным поиском путей становления новых форм российской государственности. Первостепенную роль в нем имеет глубокое изучение огромного исторического опыта образования и эволюции Российского многонационального государства. Существенно дополнить исследование процесса его образования и эволюции в новое время позволяет изучение истории калмыцкого народа, в начале XVII в. откочевавшего из степей Западной Монголии и появившегося на границах России в Западной Сибири. В середине XVII столетия в результате перекочевки в Южное Приуралье и Нижнее Поволжье возникли экономические и политические условия для складывания калмыцкой государственности в форме ханства.

Заметно увеличилось и количество исследований, в той или иной мере связанных с проблемами этнического самосознания и этнической идентичности. Важно, что процессы поиска национальной идентичности являются всеобщей исторической и социокультурной тенденцией современного мира, вступившего в кризисную фазу развития. Все это происходит в то время, когда, на наш взгляд, в стране отсутствует хорошо продуманная и всесторонне обоснованная концепция национальной политики.

В Калмыкии этнические факторы национальной идентификации проявляются, на наш взгляд, несколько по-другому, чем в республиках Северного Кавказа. В республике отсутствуют силы, которые хотели бы играть на этнических чувствах народов, будь то калмыки или русские. Поэтому отсутствует национализм в разных его проявлениях (от экономического и культурного до политического сепаратизма).

Этнополитическая ситуация в Республике Калмыкии изменилась. Калмыки составляют 53,3 % населения, русские – 33,6 %. Но при этом здесь более благоприятны, чем в других регионах, отношения между калмыками и другими этническими общностями. Из республики не наблюдается оттока русского населения.

Власти Калмыкии проводят целенаправленную работу по строительству или восстановлению храмов и памятников, созданию новых музеев, возрождению народного фольклора, демонстрируют заботу о культурном наследии. Меняется культурный ландшафт города Элисты. После принятия в республиках Российской Федерации законов о двух государственных языках – языке титульной национальности и русского, часть школ перешло на обучение на калмыцком языке. В этих школах вводятся новые программы обучения.

Калмыцкий народ имеет богатую историю межэтнических контактов, которые не могли не сказаться на специфических чертах народной культуры. Здесь необходимо выделить институты – культ гостеприимства, приверженность национальному идеалу, позволившие сохранить национально-культурную идентичность. Все это способствует формированию представлений молодежи о своей истории, культуре.

В этих условиях резко повышается актуальность и значимость национальных культурных установок, ретранслируемых через науку. На сегодняшний день историческая наука Калмыкии насчитывает несколько тысяч работ различного уровня. В калмыковедении трудится большая группа историков, организованных в ряде учебных и научных заведений. В учебных аудиториях Калмыцкого государственного университета для студентов всех факультетов и институтов читаются специальные курсы по истории Калмыкии, выпускаются учебные и методические пособия. В Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН подготовлена 3-томная «История Калмыкии».

Историческая наука наиболее чутко отражала изменения в обществе. В периоды трансформации обществ происходит актуализация исторического опыта и знаний, обостряется историческая память народов. Интерес к своим историческим корням у народов про-

является в самых разных формах: от попытки реанимировать национальные обычаи и традиции, фольклор и т. д. до создания или восстановления своей национальной государственности.

Представления об историческом прошлом народа тесно связаны с самоидентификацией, и по мере развития модернизации роль этих представлений будет возрастать. В постсоветском пространстве широкое распространение получили этноцентрические исторические мифы. В условиях кризиса общественной модели переустройства социума, когда старые идеологические схемы изжили себя, а новые еще не оформились, пустующее место в духовной сфере общества начинает занимать мифология¹, которую общество готово легко воспринять и усвоить в этом качестве, что характерно для обществ с традиционной системой ценностей. И в ней как раз мифология определяет сознание личности в условиях кризиса идентичности.

Одной из изученных тем в калмыцкой историографии является проблема этногенеза и этнической истории народа. Как известно, именно в этой отрасли национальных постсоветских историографий в последние годы появилась тенденция искусственного «удревнения», идеализации своих народов, их истории. Здесь широкое распространение получили так называемые исторические доктрины, обосновывающие древность местной государственности и ее традиций. Отличительной особенностью ряда этих теорий является эклектизм, мифологизация прошлого. В этом плане интерес вызывают работы Г.О. Авляева, А.Г. Митирова и В.Ш. Бембева, лишь по единственному историко-географическому признаку возводивших этногенез предков калмыков – ойратов к истории Центрально-Азиатских государств². На наш взгляд, в этом направлении необходима дальнейшая работа с новыми источниками, прежде всего фольклорными и археологическими.

¹ Подробнее об этом см.: Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000.

² См.: Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. Элиста, 2002; Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998; Бембев В.Ш. Ойраты. Ойрат-калмыки. Калмыки: В 2 кн. Элиста, 2004.

В последние десятилетия центральное место в историографии занимает история Калмыцкого ханства, первого в истории народа государственного образования в составе России. Это не случайно, так как история национального государства является основополагающей категорией национальной идеологии, мощным источником выражения национального самосознания.

Как известно, в историографии XIX в. внимание уделялось процессу вхождения калмыков в состав России, истории взаимоотношений правителей империи и ханства. В результате известным востоковедом Н.Я. Бичуриным (Иакинфом) была разработана близкая к официально-охранительному направлению концепция калмыцкого нашествия. Близкой к его позиции была точка зрения целого ряда авторов (Н. Нефедьев, Ф.А. Бюлер, А. Попов, К.И. Костенков, А.М. Позднеев и др.), утверждавших, что в начале XVII в. калмыки «оружием проложили себе путь» в Россию, царское правительство почти не вмешивалось во внутреннее управление калмыков, все договоры царского правительства с тайшами никогда не выполнялись последними³.

В советской историографии господствующей стала теория добровольного вхождения калмыков в состав России в начале XVII в. Появление ее было связано с тем, что после Великой Отечественной войны в советской исторической науке в целях укрепления дружбы народов получил распространение тезис об исключительно добровольном и мирном характере вхождения сибирских народов в состав Московского царства. Теория добровольного вхождения-присоединения была ответом на взгляды дореволюционных историков, разработавших концепцию нашествия калмыков на Россию.

³ См.: Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991; Нефедьев Н. Подлинные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834; Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы: Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47. № 7; Попов А. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXII. Отд. 2. 1839; Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870; Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХIV. Отд. 1. 1886.

Первым крупным шагом в советской историографии стала фундаментальная работа академика С.К. Богоявленского, в основу которой легли архивные материалы Посольского приказа. В ней впервые была подвергнута научной критике концепция преднамеренного и согласованного «наступления» калмыков на Россию⁴. В 1964 г. вышла основанная на данных русских архивных документов и ойратских, монгольских и калмыцких летописей монография И.Я. Златкина по истории Джунгарского ханства. Отрицая планы создания калмыками новой монгольской кочевой империи, автор объясняет процесс вхождения калмыков в состав России вынужденной мерой. Движение к Яику и Волге, по мнению Златкина, объяснялось стремлением выйти из экономического и внешнеполитического кризиса, охватившего ойратский мир на рубеже XVI–XVII вв.⁵ Взгляды исследователя были развиты в работе М.Л. Кичикова, в которой впервые в советской историографии был подробно освещен вопрос об истории вхождения калмыков в состав России в начале XVII в., а также процесс образования ханства в середине века⁶. Отдельные вопросы военной истории калмыков были рассмотрены в эти годы в работах Т.И. Беликова, выявившего значительный круг источников о калмыцких походах на Крым. К.П. Шовунов, изучая историю участия калмыков в войнах России, рассматривал военную службу как основную государственную службу⁷.

Значительное влияние на развитие историографии оказал «круглый стол» на тему «Присоединение народов к России и его объективно-исторические последствия» (Звенигород, 1989 г.). Материалы стола продемонстрировали начавшийся отказ историков

⁴ См.: Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 48–102.

⁵ См.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964; 2-е изд. М., 1983. С. 103–104.

⁶ См.: Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование Калмыцкого ханства в составе России. Элиста, 1966.

⁷ См.: Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965; Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков XVII–XVIII вв. Элиста, 1991.

от прежней господствовавшей трактовки присоединения народов к России как, безусловно, добровольного и мирного процесса, участники стола отметили сложность и неоднозначность процесса присоединения той или иной территории к России⁸. Удачной попыткой продолжить дискуссии конференции 1989 г. и обобщить исторический опыт проведения национальной политики России стала коллективная монография, посвященная становлению системы управления национальными окраинами, значительная часть одной из глав которой посвящена Калмыцкому ханству.

В новейшей литературе, опубликованной в конце XX – начале XXI в., первым комплексным очерком социально-экономического и политического строя калмыков стала работа М.М. Батмаева. Автор полагает, что процесс вхождения калмыков не был единовременным актом. Он шел длительно и в сложных условиях, определяемых устремлениями царского правительства и калмыцкой знати, конкретной политической обстановкой в Джунгарии, изменениями во взаимоотношениях калмыков и вообще ойратов со своими непосредственными соседями и т. д. Автор склоняется к тому, что финал движения калмыков – приход на Волгу и поселение в приволжских степях – был предопределен логикой развития событий, а не был логическим завершением заранее задуманного плана⁹.

Верно подмечает характер движения В.В. Трепавлов: ойраты то углублялись в бывшие ногайские владения, то отходили назад. Такой характер миграций автор объясняет их нежеланием отдаляться от родных монгольских степей, успехами или неудачами в междоусобной борьбе тайшей и сочетанием природных условий, необходимых для скотоводства¹⁰.

Итак, в постсоветской историографии наметился более взвешенный подход в оценке характера вхождения. Сохраняется раз-

⁸ См.: Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. М., 1995; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998. (Глава I «Поволжье и Южный Урал» написана Ш.Ф. Мухамедьяровым).

⁹ См.: Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII вв. Элиста, 1993.

¹⁰ См.: Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2001.

работанный И. Я. Златкиным подход, мало связанный с современными модными идеями панмонголизма.

На наш взгляд, истинные причины и этапы вхождения калмыков в состав России пока еще недостаточно исследованы. Очевидно, что по прошествии 400 лет после начала установления русско-калмыцких отношений существует необходимость объективного анализа их истории с позиций современной методологии и с учетом всего спектра имеющихся источников. Здесь необходимо признать следующие обстоятельства.

Тезис о «добровольном» характере имеет право на существование и связан с тем, что вхождение в состав России было наилучшим выходом из тяжелого положения, в котором оказались ойраты в конце XVI – начале XVII века. Только в пределах России калмыки сложились в единую народность.

Многочисленные калмыцкие шерты отражают продолжавшийся в течение 50 лет этап непростых переговоров о территории калмыцких кочевий и условиях подчинения калмыков Москве. При этом мирные контакты чередовались порою более или менее значительными военными столкновениями. Конфликты, о которых образно писал С. М. Соловьев¹¹, имели место на начальном этапе вхождения, в основном были завершены в середине XVII в. В последующие годы отдельные вооруженные столкновения не меняли общего мирного характера отношений.

Исходя из сказанного, полагаем, что вхождение калмыков в состав Русского государства было реализовано в ходе нескольких последовательных этапов. Содержанием первого было становление в первой половине XVII в. русско-калмыцких отношений. Следующий этап (вторая половина XVII в.) стал временем фактического вхождения (вступления) Калмыцкого ханства в состав Русского государства. Здесь важно выделить геополитические факторы, предопределившие русско-калмыцкое сближение¹².

¹¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII–XI. М., 1961. С. 233, 276, 364.

¹² См.: Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.

Теория добровольного вхождения подразумевала и разработку концепции совместной борьбы народов с царизмом. При изучении истории крестьянско-казацких и городских движений в советской историографии незначительное внимание уделялось участию в них отдельных групп калмыков. В литературе имеются разные взгляды на отношение калмыков к Разинскому восстанию. При этом полностью замалчивался факт выступления Аюки на правительственной стороне. Т. Беликов и авторы «Очерков истории Калмыцкой АССР» писали о совместном выступлении восставших и калмыков¹³. Между тем еще в XIX в. Н. Нефедьев в особую заслугу ханам ставил тот факт, что они никогда не примыкали к народным движениям, происходившим в это время на юге государства¹⁴. Н.Н. Пальмов также считал, что Аюка, не разделявший идеологию казацкой «гольгъбы», остался в стороне от Разинского движения¹⁵. На наш взгляд с 1660-х годов отмечается дальнейшая активизация калмыков в Волго-Донских степях. В конце десятилетия начала выработываться практика привлечения вооруженных сил Калмыцкого ханства для подавления крестьянско-казацкого восстания под предводительством С. Разина¹⁶.

Более объективное освещение получили калмыцко-башкирские отношения. Например, Н.В. Устюгов, затем И.Г. Акманов уделили значительное внимание контактам калмыков с сыном Кучума Ишимом, а также подробно рассмотрел их отношение к башкирскому восстанию 1662–1664 годов¹⁷.

Есть еще один дискуссионный вопрос, связанный с анализом общественных отношений калмыков.

Как известно, в советский период историография была ограничена догматизированной вариацией теории общественно-экономи-

¹³ См.: Беликов Т.И. Указ. соч.; Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967.

¹⁴ Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. С. 44.

¹⁵ Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 47.

¹⁶ См.: Цюрюмов А.В. Указ. соч.

¹⁷ См.: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110; Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в. Уфа, 1987.

ческих формаций. В кочевниковедении академиком Б.Я. Владимировым была разработана теория «монгольского кочевого феодализма». С конца 50-х гг. после выхода в свет работ И.Я. Златкина в официальной историографии утвердились представления о Калмыцком ханстве как раннефеодальной монархии. В исследованиях П.С. Преображенской, М.Л. Кичикова отношения характеризовались как развитые феодальные, хотя и осложненные наличием родовых пережитков. Авторы писали о том, что специфику феодальной собственности на землю составляло право распоряжения кочевьями, то есть земля у калмыков находилась в собственности нойонов. На наш взгляд, кочевой образ жизни не способствовал институционализации форм земельной собственности. Здесь необходимы дальнейшие исследования источников, а также более внимательное обращение к концепции вождества, разработанной Н.Н. Крадиным¹⁸.

В связи с этим необходимо обратить внимание на процесс становления калмыцкой государственности, который проходил в условиях одновременной интеграции калмыков в состав Российского государства. Здесь важно отметить определенную заинтересованность Москвы в сильной калмыцкой власти, так как в историографии до сих пор нет работы, в которой бы проблема образования Калмыцкого ханства изучалась с точки зрения влияния политики России. Новое обращение предполагает анализ истории произошедшего в калмыцком обществе политогенеза и оценку характера государственного строя ханства. Весьма продуктивен здесь опыт школы политической антропологии¹⁹.

Итак, в качестве этнодифференцирующих признаков народа выступает целый спектр институтов духовной и материальной культуры. Это не только язык, национальные обычаи и традиции, этика народа, религия, представления о родной земле,

¹⁸ См.: Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.

¹⁹ См.: Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. N. Y., 1962; Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997; Carneiro R.L. What happened at the flashpoint? Conjectures on chieftdom formation at the very moment of conception // Chieftdoms and Chieftaincy in the Americas. Gainesville etc., 1998.

национальный характер, народное и профессиональное искусство, но и историческая память. Для калмыцкого народа, сохраняющего память о насильственной депортации 1943 г., характерно бережное отношение к исторической памяти, в которой отражается национальное самосознание. Современный уровень развития науки способствует не только росту этнического самосознания, но и формированию нового гражданского, в котором национальные интересы и ценности должны органично сочетаться с ценностями гражданского общества. В целом, национальная историческая память способствует межэтническому и межрелигиозному согласию, способствует воспитанию толерантности молодого поколения.

**ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
КАК БОРЬБА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
(вместо послесловия)**

В сегодняшней России сосуществуют несколько нарративов истории страны, во многом противоречащих друг другу. Это вызвано как состоянием исторической науки, обескураженной задачей освоения методологического многообразия, так и политизированными попытками сделать историю инструментом для достижения таких целей, как конструирование нации, обретение новой идентичности или, в более простом случае, обоснования конкретной внешней или внутренней политики. Различные этнические и социальные группы, разные регионы России создают и пропагандируют собственные истории и «истории». Взаимное наложение полей российской истории и новых нарративов истории соседних стран – Украины, Казахстана, государств Южного Кавказа и Центральной Азии осложняет ситуацию, поскольку предлагает взаимоуничтожающие версии исторических событий.

До сих пор общество не определилось со своими подходами к истории России как науке и средству самоидентификации. Однако историческая наука и историческое образование составляют часть диалога общества с собственным прошлым, важную для определения гражданской идентичности.

Историческое образование служит важнейшей социализирующей силой, утверждая интерпретацию прошлого, делающую детей гражданами. Именно поэтому государство в последние годы обратилось к учебникам истории (что было воспринято частью профессиональных историков как попытка государственного контроля и даже диктата). В таких опасениях есть резон, однако у этой коллизии существует и более глубокая методологическая проблема. Если мы осознаем, что историческая наука опирается на две

основы – источники, сформированные в том прошлом, которое она изучает, и вопросы к этим источникам, рожденные современностью, – то станет очевидно, что профессиональные историки не могут обладать монополией на вопрошание. Историк может поставить вопрос более грамотно, но суть общественного запроса может сформулировать и непрофессионал. Другое дело, что в России, с ее непреодоленным расколом между государством и обществом, существует множество запросов к исторической науке. Больше того, постановка проблемы исследования может быть предопределена не только направленностью интереса ученого (например, экономика или культура), но и системой ценностей в его собственном мировоззрении. Поскольку в обществе сосуществуют разные группы со своими системами ценностей, то каждая из них выступает со своей интерпретацией прошлого.

Историческая наука от этой множественности выигрывает, однако проблемы начинаются при переносе научных выводов в преподавание истории. Видение прошлого, как сегодня очевидно большинству политиков, предопределяет будущее, поэтому выбор той или иной интерпретации прошлого означает выбор будущего.

В связи с этим «переписывание истории» стало серьезной проблемой в политических отношениях между соседними странами. В последние годы «политическое использование истории» стало предметом тревоги как профессиональных историков, так и, например, общества «Мемориал», весной 2008 г. опубликовавшего специальное Обращение «О «национальных образах прошлого» (XX век и «война памяти»)»¹.

Историки знают, что, в отличие от учебника, в исторической науке сосуществуют различные интерпретации прошлого, каждая из которых имеет право на существование. Набор таких интерпретаций конечен (все, что сверх того, может быть опро-

¹ «О «национальных образах прошлого» (XX век и «война памяти»)»: Обращение Международного общества «Мемориал». Режим доступа: http://www.memo.ru/2008/03/27/Memorial_obrazy_proshlogo_Rus.htm.

вергнуто анализом доступных источников), но сами они могут быть весьма далеки друг от друга. Одной из причин этого является отмеченное выше влияние настоящего, диктующего свои вопросы исследователю.

Проблема имеет и еще одно измерение. Если существует несколько равно непротиворечивых интерпретаций источников, то, с точки зрения (современной) исторической науки, каждая из них имеет право на существование. А если одна из них просто кричит: «Отомсти!», другая указывает на врага внутри или вне страны, а третья отрицает холокост, геноцид армян или, например, голодомор – что с ней делать? В некоторых странах есть законодательные запрещения. Значит, при создании и выборе интерпретаций надо руководствоваться вопросом, к чему ведет распространение твоей версии, следовательно, морально-этическая проверка исторических концепций оказывается критерием, необходимым для их оценки.

Описанная проблема приобретает для России еще одно измерение, связанное с обширностью и разнообразием ее регионов. История каждого из них обладает своими особенностями, а местные интеллектуальные и политические элиты могут строить собственную повестку дня, в рамках которой актуализируются различные запросы к историкам-краеведам. Эти запросы приводят к появлению разнообразных региональных историй, которые зачастую выглядят анекдотично, но иногда становятся вызовом «общепринятой» или общероссийской идентичности и создают точки потенциального конфликта. Известно, например, как историки Новгорода Великого «прослеживали» демократические традиции региона от средневекового веча до губернатора Прусака, а астраханцы возводили региональную веротерпимость ко временам Хазарского каганата.

Историзм сродни ориентализму в трактовке Э. Саида – в обоих случаях гегемонистская сила («Запад» у Саида или настоящее в истории) навязывает объекту изучения собственную повестку дня, систему ценностей и сетку координат. Однако объект, в нашем случае – прошлое, сопротивляется, источники не дают полной свобо-

ды интерпретациям. В условиях Юга России, где формируется собственная разновидность постколониального дискурса, эта проблема удваивается, «ориентализм» выступает во всей своей изначальной красе, делая проблему региональной идентичности любопытной для исследователей и уникальной для политиков.

Наш семинар помог выделить несколько составляющих этой уникальности. В ходе «освоения» русским населением и Российской империей степных пространств Волго-Донского междуречья, а затем Кавказа здесь сформировалось несколько «поясов» со своей спецификой, границы между которыми опирались на этнические и военно-сословные диакритики. Национальные республики Северного Кавказа отделены от населенных преимущественно русскими областей Центральной России территориями, на которых в последние столетия доминировало казачество; сегодняшние споры о «региональной идентичности» разгораются вокруг этих трех видов «самоидентификации» регионов.

Другой важной особенностью российского Юга является высокая интенсивность территориально-административного пердела, происходившего здесь не только в советские времена, но и в имперский период истории, а также уже в недавнем постсоветском прошлом. Новые административные границы вызвали к формированию новой идентичности в рамках этих границ. Появление новой области или республики с необходимостью вело к созданию учебного пособия по истории этого региона, восходящей к далекому прошлому. Созданная лишь после революции на территориях частей Астраханской и Саратовской губерний, а также области Войска Донского Сталинградская (позже – Волгоградская) область сегодня рассматривается в региональных учебниках как нечто единое на протяжении веков; больше того, сегодня региональные элиты прилагают усилия для того, чтобы побудить историков написать историю Южного федерального округа – бюрократического административного образования, созданного лишь в 2000 году.

Само по себе это «опрокидывание» современных границ в прошлое не может быть предметом какого-то осуждения. Пробле-

ма становится очевидной, когда сформированная на базе современных границ идентичность используется политиками для социального противопоставления. В этом контексте весьма важной становится роль профессионалов-историков, которые лучше других понимают опасности использования их изысканий в политической борьбе. В современном обществе конструирование идентичности вовлекает не только правящую элиту, но и гораздо более широкие социальные группы. Именно вовлечение гражданского общества в выбор варианта идентичности является важнейшей задачей историков. Структурирование исторического цеха как профессионального сообщества сделает их самих субъектом гражданского общества и придаст веса профессиональной экспертизе.

Осознание проблемы – лишь первый шаг к ее решению, но он должен быть сделан.

ОБ АВТОРАХ

Викторин Виктор Михайлович, к.и.н., доцент отделения восточных языков Астраханского государственного университета, Астрахань.

Кислицын Сергей Алексеевич, д.и.н., проф., зам. зав. кафедрой политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы, Ростов-на-Дону.

Курилла Иван Иванович, д.и.н., зав. кафедрой зарубежной истории и мировой политики Волгоградского государственного университета, Волгоград.

Кусаинов Андрей Александрович, к.ф.н., зав. кафедрой истории и теории общественного развития Урюпинского филиала Волгоградского государственного университета.

Кусаинова Елена Викторовна, к.и.н., доцент, зам. директора по научной работе Урюпинского филиала Волгоградского государственного университета.

Рыблова Марина Александровна, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории региональных исследований и казачества Южного научного центра РАН, доцент Волгоградского государственного университета, Волгоград.

Сень Дмитрий Владимирович, к.и.н., зам. генерального директора по научной работе Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, Краснодар.

Цюрюмов Александр Викторович, д.и.н., профессор кафедры истории России Калмыцкого государственного университета, Элиста.

Шнирельман Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Курилла И.И.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Шнирельман В.А.

ИДЕНТИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ:
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РАКУРС 4

Сень Д.В.

«КОНТРОЛЕРЫ ПАМЯТИ»
И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ
В «ВОЙНАХ ПАМЯТИ» 29

Рыблова М.А.

КАЗАЧЬЯ ЭТНИЧНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ 55

Кислицын С.А.

О СООТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(на материалах истории Ростовской области
и донского казачества) 75

Кусаинов А.А., Кусаинова Е.В.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 89

Викторин В.М.

РЕГИОНАЛЬНАЯ АПОЛОГИЯ – ЭТНОИСТОРИОСОФИЯ:
МИФ ВОЛШЕБНЫЙ – МИФ ПРОБЛЕМНЫЙ... 96

Цюрюмов А.В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОЦЕССЫ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА 102

Курилла И.И.

ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК БОРЬБА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
(вместо послесловия) 112

ОБ АВТОРАХ 117

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ВОЛГОГРАДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

ВЫПУСК 1

**ИСТОРИЯ КРАЯ
КАК ПОЛЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Материалы семинара,
проведенного Волгоградским государственным университетом
и Институтом Кеннана Международного научного центра
им. Вудро Вильсона
11 апреля 2008 года

Под редакцией И. И. Куриллы

Главный редактор *А.В. Шестакова*

Редактор *О.С. Кашук*

Техническое редактирование *А.В. Шубиной, Е.Ф. Поповой*

Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 10.11 2008 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 7,0.

Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 500 экз. Заказ 11. «С» 113.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.